

Право и государство
возникают из внутреннего духовного
мира человека

РОССИЯ

ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

ИВАН ИЛЬИН
РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ

Русские мыслители (Рипол)

Иван Ильин

**Россия. Путь к
возрождению (сборник)**

«РИПОЛ Классик»

до 1954 г.

УДК 122/129
ББК 87.3(2)6

Ильин И. А.

Россия. Путь к возрождению (сборник) / И. А. Ильин —
«РИПОЛ Классик», до 1954 г. — (Русские мыслители (Рипол))

ISBN 978-5-386-08472-1

Представляем вам издание трудов известного русского философа, писателя и публициста Ивана Александровича Ильина (1883–1954), посвященных извечным темам поиска пути духовного, нравственного обновления и возрождения. «Задача моей книги – указать на этот путь и утвердить его верность» – так сам философ определил цель своей книги. Это издание – великолепный подарок всем, кто интересуется философией, всем, кто хотел бы найти ответы на фундаментальные вопросы, вопросы бытия.

УДК 122/129

ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-386-08472-1

© Ильин И. А., до 1954 г.
© РИПОЛ Классик, до 1954 г.

Содержание

Путь духовного обновления	6
Предисловие	6
Глава первая	8
1. Мы все верим	8
2. Вера и жизнь	10
3. Не всё заслуживает веры	13
4. Знание и вера	16
5. Источник веры	20
Глава вторая	25
1. Что есть любовь	25
2. Любовь как путь	30
3. Любовь и вера	32
Глава третья	35
1. Внешняя свобода	35
2. Внутреннее освобождение	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Иван Александрович Ильин
Россия. Путь к возрождению

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Путь духовного обновления

Предисловие

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!..*

А. С. Пушкин¹

Эта книга написана для ищущих, для тех, кто ещё не «имеет», но хочет «иметь», хочет – глубоко и искренно. Эта книга написана для сомневающихся – не ироническим, разъедающим и, в сущности говоря, уже отрицающим сомнением, но вопрошающим, творческим сомнением, идущим из глубины сердца. Таким сомнением в своё время сомневались Сократ, Блаженный Августин и Декарт; и сомнение их нашло себе творческое преображение и привело их к *очевидности*.

Наше время ни в чём так не нуждается, как в *духовной очевидности*. Ибо «сбились мы» и «следа» нам не видно. Но след, ведущий к духовному обновлению и возрождению, найти необходимо и возможно. И мы найдём его.

Каким способом?

Единственным, который вообще дан *человеку*-, *углублением в себя*. Не в свою личную, чисто субъективную жизнь, не в свои колеблющиеся, беспредметные «настроения», не в праздную, гложущую и разлагающую рефлексию. Но в своё *сверхличное, предметно-насыщенное, духовное достояние*. Пусть оно будет невелико, пусть оно будет подобно *искре*. Но в искре есть уже сила искренности, ибо искра есть пылинка вечного, божественного пламени. . .

Нельзя сомневаться «во всём», даже в самом сомнении своём. Это уже смерть и тление. Сомнение, если оно есть, испытывается остро и мучительно; оно подлинно; оно несомненно; оно есть *воля к истине, рождённая любовью и жаждой уверенности*. Кто так сомневается в Боге и в правде, тот уже *любит* Бога и правду; и любовью он их найдёт, ибо их вообще можно найти *только любовью*. Такое сомнение – духовно; оно уже *есть живой дух*; и человеку, который так сомневается, духовный опыт уже открыт и доступен.

Итак, эта книга написана для сомневающихся, для тех, в ком живёт *такое* сомнение. Она пытается *указать* им путь. Не пройти этот путь за них или с ними, а лишь указать. Идти человек может только сам, в своём внутреннем духовном опыте, который неизбежно приведёт его к внешним поступкам, ибо настоящий и зрелый духовный опыт всегда выражается и заканчивается в целостных и творческих делах. Ни жить, ни творить «за других» нельзя. Жить и творить должен каждый *сам*. И это удастся ему тем больше и тем лучше, чем глубже он укоренится в своём *собственном*, выстраданном и вымоленном духовном опыте. . .

Эта книга пытается указать *только путь*. Она скромна по своим задачам. Она ни по одному вопросу не высказывает *всего*, что хотелось бы высказать; и каждая глава её таит в себе целое исследование, иногда даже не одно; опытный и зоркий глаз увидит это сразу. Здесь изложено только то необходимое, путеводное, *без чего нельзя начинать*, что прежде всего надо довести в себе до очевидности, до полной и окончательной, непоколебимой и не угасающей уверенности – только те основы духовности, без которых нельзя начинать самую борьбу за родину. Это первые, фундаментальные вопросы, *вопросы бытия*. Мало прочесть «о них», прочтя, надо *решить* их для себя. Они выдвинуты здесь в противовес и в отпор мировому соблазну

нашего времени. Не решив их с силою очевидности, нельзя надеяться на свои силы при встрече с этим соблазном.

Этот соблазн дан нам нашей эпохой. Но «человек не должен жаловаться на своё время: из этого ничего не выйдет; время плохое, ну что же, на то человек живёт, чтобы сделать его лучше»... «Начинай же! Только этим ты сделаешь невозможное возможным» (Карлейль)².

Современный мир переживает глубокий кризис – религиозный, духовный и национальный. Из него необходимо найти выход. Этот выход надо каждому из нас найти прежде всего *в самом себе*, творчески создать его, убедиться и удостовериться в его верности. И только потом можно будет указать его другим. Надо *самому начать быть по-новому*. Обновлённые люди, одолевающие соблазн, найдут друг друга. Найдя, они заткут новую ткань духовного бытия. Это единственный путь. Иного нет.

Задача моей книги – указать на этот путь и утвердить его верность.

АВТОР

1932–1935

Глава первая О вере

*Прежде всего, снйшай с очей ума твоего покровы, содержащие его
в ослеплении.*

Феофан Затворник³

1. Мы все верим

Есть у нас довольно распространённое воззрение, будто люди могут прожить жизнь без всякой веры и будто «образование», а в особенности «научное образование», несовместимо с верою. Образованный человек, думают люди, не может верить: он слишком много «знает», и «самое существенное» он уже «понял»; так, например, он знает, что всё совершается по законам природы и что эти законы природы рано или поздно будут изучены; во что же ему ещё «верить»? Сущность культуры и прогресса сводится к следующему: *идёт просвещение, а вера уступает и исчезает*. Согласно этому, верить могут лишь те, кого ещё не коснулось просвещение, но вот придёт время – они будут просвещены и перестанут верить, ибо на самом деле всякая *вера* есть не что иное, как *суеверие*. Итак будущее принадлежит просвещённому безверию и безбожию.

Тот, кто хочет зорко и верно видеть происходящее и, особенно, понять и одолеть переживаемый нами духовный кризис, должен, прежде всего, вдумчиво отнестись к этому воззрению и критически разобраться в нём, ибо оно укрывает в себе не одно роковое недоразумение или заблуждение.

Бесспорно, есть немало людей, которые не верят *в Бога*. Но это совсем не значит, что они *ни во что* не верят и что поэтому их можно причислить к людям, живущим без всякой веры. Ведь возможно, что они верят не в Бога, а во что-то другое... Во что же? В нечто такое, что они принимают за главное и существенное в жизни; что действительно *для них* и есть *самое важное*, чем они дорожат и чему они служат; что составляет предмет их *желаний и стремлений*. Такое отношение и есть отношение *веры*; и кто имеет такой предмет, тот верит в него.

Этим мы вскрыли первое недоразумение, первый предрассудок: люди обычно думают, что верить – это то же самое что признавать за истину. На самом деле это не так: вера есть нечто гораздо большее, более творческое и более жизненное. Мы все считаем истиною – таблицу умножения, геометрические теоремы, химические формулы, географические данные, установленные исторические факты, законы логики; мы совершенно уверены в том, что они верны, что мы спокойно можем пользоваться этими истинами и применять их в жизни. Мы это и делаем, и притом уверенно и успешно: высчитываем, путешествуем, строим, наблюдаем природу, спорим, доказываем, составляем и принимаем лекарства и т. д. И что же? Всё выходит, удаётся, подтверждается. То, что мы признали в теории за истину, оказывается и на практике правильным и верным. И мы все это знаем, и согласно этому мы в жизни и действуем. Но о *вере* здесь нет ещё и речи...

Верить – это гораздо больше, чем признавать за истину. И так обстоит и в теории, и на практике. Есть холодные истины, к которым мы и относимся холодно; мы устанавливаем их и пользуемся ими равнодушно или, самое большее, с некоторым уважительным интересом. Мы узнаём о них и признаём их глубиною нашей души; мы подтверждаем их и соглашаемся опираться на них теоретически и практически, отнюдь не отзываясь на них сердцем. Они дают нам известную уверенность, но только во второстепенных делах, *не* в главных и важнейших вопросах нашей жизни. Они светят нам наподобие уличных фонарей, без которых нам было

бы и неудобно, и неуютно; но душу нашу они не согревают и не воспаляют. Тысячу раз мы пройдем мимо них или примем их во внимание, или даже воспользуемся ими без того, чтобы *могучие и творческие источники* нашей души пришли в движение; напротив, там всё остаётся безразличным, молчаливым и неотзывчивым. Кто из нас начнёт верить – в классификацию химических элементов, открытую Менделеевым, в таблицу логарифмов, в хронологический обзор событий XIX века, в горную карту Европы или Азии, – и даже тот из нас, кто усомнится в этих «законах» или «истинах» и начнёт критиковать их или опровергать, – поколеблется не в *вере*, а только в *познавательной уверенности*.

О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души; где на неё отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека; где снимается печать именно с этого *водного ключа* нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь.

Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как *самое главное* в своей жизни. Скажи мне, что для тебя самое важное в жизни, и я скажу, во что ты веришь. Душа твоя прилепляется к тому, во что ты веришь, и как бы живёт и дышит им; ты *желаешь* предмета своей веры, ты ищешь его; он становится источником твоей *радости* и остаётся им даже тогда, когда тебе его не хватает. Здесь пребывают твои чувства и твоё воображение. Словом, здесь *реальный центр* твоей жизни: тут твоя любовь, твоё служение, тут ты идёшь на жертвы. Здесь твоё сокровище, а где сокровище твоё, там и сердце твоё, так и *вера* твоя.

И вот, сколько бы мы ни искали, мы не найдём такого человека, который ни *во что* не верил бы. Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может жить, ибо вера есть не что иное, как *главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки*.

Правда, не всегда легко установить, к чему прилепляется и тянется тот или другой человек... Иными словами: где бодрствует его душа? где она загорается? что для неё выше всего? в чём сокровище его жизни? где он способен жертвовать? Может быть и так, что он и сам этого не знает; или ещё так, что, по-видимому, он в течение всей своей жизни ни во что не верил: явно относился ко всему безразлично, оставался тепло-прохладным; он как бы прозябал всю свою жизнь, не имея никакого реального центра, ни от чего не зажигался; нигде душа его не вела интенсивной жизни; не было у него сокровища; ничему он не служил и не жертвовал. Однако жизненные наблюдения заставляют нас установить, что такие люди, такие безразличные, проблематические натуры, являются обычно людьми с *дремлющею верою*. Пока над водами жизни царит безветрие, кажется, что их душа пребывает в тихой дремоте: мертвенно повисли паруса; малые волны повседневной жизни катятся мимо них без цели и смысла; ни воли, ни свершений, ни судьбы. Но *жизненная буря* может изменить всю эту картину. Потрясённая, возмущённая, может быть, раненая душа пробуждается ото сна, собирается с силами, отличает главное от неглавного, приемлет важнейшее и священное, совершает свой выбор, решение следует за решением, поступок за поступком – и жизненный корабль, руководимый верою, плывёт на всех парусах. И если присмотреться к человеку в такой жизненный час, то всегда обнаружится, что процесс внутреннего отбора и оформления совершался уже давно, но – в глубине, сокрытой от глаз, и как бы в некоторой медлительности. Где-то там, в таинственной тишине, уже возникала «твердь среди воды» и «свет» уже отделялся от «тьмы»... Но вот настал час страдания и воззвал голос великой беды; и что же? – всё сложилось и созрело в кратчайшее время так, как если бы оно только и ожидало этого часа и этого голоса. Можно было бы сказать: знамя уже развевалось, но мрак царил, и его не было видно; и исповедание уже сложилось, но пребывало в безмолвии; и выбор был уже совершён, и путь был предначертан – и оставалось только пойти по этому пути...

Жить на свете – значит *выбирать и стремиться*; кто выбирает и стремится, тот *служит* некоторой *ценности*, в которую он верит. Все люди верят: и образованные и необразованные,

и умные и глупые, и сильные и слабые. Одни сознают, что они верят, другие верят, не сознавая этого. Одни знают и то, что они *верят*, и то, *во что* они верят, а может быть, и то, *на каком основании* они верят. Другие верят просто, не зная этого за собою и, может быть, ни разу в жизни не подумав, во что же это они, собственно говоря, верят и есть ли у них какие-нибудь *основания* для этой веры. Но вера всегда остаётся *первичной силой человеческой жизни*, совершенно независимо от того, понимают люди это или нет. Человеку дана возможность дорожить своей верой, беречь её, укреплять, очищать и углублять; как бы строить её и воздвигать на её основе своё мирозерцание и свой характер; формировать её содержание в виде догмата и Символа веры; создавать на этом фундаменте церковь и богослужение; превращать её во всеохватывающую целокупность жизни и смерти. Однако человек имеет и другую возможность: пренебрегать своею верою, оставлять её на произвол случайностей, пронизывать её предрассудками и суевериями, превращать её в слепой и разрушительный фанатизм или же отводить ей один уголок своей души, и притом самый трусливый и лицемерный. Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям; он может разочаровываться в своей прежней вере и отходить от неё; хуже того, он может изменять своей вере по расчёту и «продавать» её. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно – *жить без веры*.

2. Вера и жизнь

Кто однажды поймёт и продумает это, тот перестанет делить людей – на живущих «с верой» и живущих «без веры», или, во всяком случае, тот перестанет придавать этому условному и неточному делению прежнее значение; и благодаря этому он избавится от многих мнимых проблем, от целого ряда бесполезных парадоксов. Напротив, он поставит новый и чрезвычайно поучительный вопрос: во что же, собственно говоря, верят так называемые неверы? и если он сам причислял себя доселе к неверам, к безрелигиозным или безбожникам, то во что же он сам при этом *всё-таки верил*? Потому что оказывается, что он сам всё-таки во что-то верил, это уже установлено. Верят все: и тепло-прохладный свободомыслящий, и воинствующий безбожник, и ожесточённый материалист; верят и социалисты, и коммунисты, и гонители христианства... И чем решительнее эти «враги веры» нападают, чем ожесточённее их преследование и воздвигаемые ими гонения, тем яснее они обнаруживают, что у них есть в виду нечто такое, что они считают главнейшим и важнейшим; они воображают, будто владеют какой-то важнейшей и драгоценнейшей истиной, к которой они прилепились душой и волей. Они считают себя неверами? Они объявляют себя безбожниками? Пусть. Этим они хотят только подчеркнуть, что они не принадлежат ни к какому определённом исповеданию, кроме... собственного, разделяемого ими самими; что они не входят ни в какую церковную общину, кроме... своей собственной общины, которую они не хотят называть «церковью» (обозначая её как «партию», или как «орден», или как «международное общество»).... Да, они не верят в Бога; но это означает, что они *верят не в Бога, а во что-то иное*. Они критикуют или поносят веру вообще... Этим они, как настоящие *фанатики своей веры*, объявляют, что они признают только *свою веру обоснованной*, единственно верной и единственно допустимой; все же остальные веры и исповедания они относят к глупым предрассудкам или вредным суевериям. Они воображают, будто они одни владеют тем спасительным словом, той непогрешимой правдой, которая освобождает и оплодотворяет благие, творческие силы человека; будто им одним известно то начало, тот принцип, который верно отличает главное от неглавного, доброе от злого, который указывает человеку *верную цель* его жизни и *верный путь*, ведущий к этой цели. Они верят – и воображают, будто обладают истиной и единственно верной верой. И тот, кто читал писания воинствующих безбожников и присматривался к их разрушительной работе, тот не может не согласиться, что эта характеристика соответствует действительности.

Но во что же верят те люди, которые верят *не в Бога* и потому считают себя неверами вообще или безбожниками? Они верят во всевозможные *небожественные* силы и обстоятельства.

Большинство верит, по-видимому, в *наслаждения* — или особенно в *чувственные наслаждения*, — во всё, что к ним ведёт и с ними связано; это для них — важнейшее в жизни; это их цель, это их путь; этому они служат, ради этого они жертвуют всем остальным; здесь у них критерий, по которому они отличают хорошее от дурного; здесь их сокровище, их сердце. Есть такие люди, которые признают и выговаривают это открыто: «я хочу земного счастья, наслаждения и спокойствия, ибо это главное в жизни» (гедонизм); «я ищу в жизни денег и власти» (мамонизм); «главное в том, чтобы все люди несли одинаковую работу и имели одинаковые права, ибо только тогда они смогут одинаково наслаждаться жизнью, быть равно счастливыми» (социализм); «всё дело в том, чтобы дерзновенно завладеть земными благами и безоглядно наслаждаться ими» (большевизм); «главное в том, чтобы дать массам земные блага и удобства, а для этого надо у всех всё отнять (всеобщая пролетаризация) и всех подчинить монопольному работодателю (всеобщее хозяйственное и политическое порабощение, коммунизм)» и т. д.

Однако наряду с этими течениями есть немало таких людей, которые не выговаривают вслух своей веры и не признаются, в чём же она, собственно, состоит: одни из них просто избегают касаться этих вопросов; другие скромно ссылаются на свою внутреннюю неуверенность; третьи выдвигают теорию, в силу которой человек вообще не может иметь никакого достоверного знания (агностицизм); иные ссылаются на своё неотъемлемое право — оставаться безразличными, и на свою обязанность — относиться терпимо ко всякому чужому верованию; иные же отступают в сферу проблематического свободомыслия... В известном смысле они правы: верить можно только искренно и свободно, а свобода требует веротерпимости; нельзя принудить человека к той или иной вере; и никто не обязан рассказывать другим людям вслух, во что именно и как именно он верит... Но видимое безразличие и явное умолчание, действительная скромность и насмешливая мистификация *не освобождают человека от неизбежности верить*. Нельзя человеку не иметь определённой жизненной цели и жизненной ценности, в которые он верит и которым он служит. Однако психологически можно понять, что есть люди, у которых эта высшая и главная жизненная ценность такова, что для них выгоднее умалчивать о ней и замалчивать её до конца. Ведь молчание создаёт некий загадочный мрак, в котором многое неразлично и многое может остаться сокровенным... И не всегда бывает легко установить, кто молчит от настоящей религиозной скромности, а кто — из умного или хитрого житейского расчёта...

Если бы удалось однажды пронизать все человеческие сердца без исключения таинственным лучом света так, чтобы у всех выступила и въяве обнаружилась *главная ценность жизни, составляющая предмет веры*, то очень возможно, что все мы просто ужаснулись бы... Потому что, вероятно, оказалось бы, что большинство людей верит в нечто такое, что не только не обещает им ни блага, ни спасения, но что прямо ведёт их к гибели. Люди живут и верят очень часто в слепоте и беспомощности, и не знают, и не догадываются о том, что человеку надлежит *строить свою веру, а не предоставлять ей расти наподобие полевой травы*, и вследствие этого люди очень часто верят, т. е. прилепляются не только своим «правдоподобным» мнением, а сердцем, волею и делами, служением и жертвенностью к таким жизненным содержаниям, служить которым и идти на жертвы ради которых поистине *нет никакого смысла*...

Вот ключ к современному духовному кризису, охватывающему всё человечество. И овладев этим ключом, и поняв, что происходит в мире, мы не можем не подивиться тому, что современному человечеству, в общем и целом, живётся всё ещё *так* хорошо и *слишком* хорошо по сравнению с теми бедами и страданиями, которые могут возникнуть из этого кризиса.

Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, *человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит*. Чем сильнее и цельнее его вера,

тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон. Это нетрудно понять: душа человека пленяется тем, во что она верит, и оказывается в плену; это содержание начинает господствовать в душе человека, как бы поглощает её силы и заполняет её объём. Веря во что-нибудь, человек постоянно ищет этого предмета, предпочитает его, занимается им и явно, и тайне; человек воображает себе этот предмет, вступает с ним в самые прочные отношения, желает его; этот предмет как бы занимает и поглощает его внимание, его сосредоточенность, его душевные силы. Это можно было бы выразить так человек постоянно (то сознательно, то бессознательно) *медитирует*¹ о том предмете, в который он верит. Вследствие этого *душа вживается в этот предмет, а самый предмет, в который она верит, проникает в душу до самой её глубины*. Возникает некое подлинное и живое *тождество*: душа и предмет вступают в особое единение, образуют *новое живое единство*. И тогда мы видим, как в глазах у человека сияет и сверкает предмет его веры; то, во что ты веришь, сжимает трепетом твоё сердце, напрягает в минуту поступка твои мускулы, направляет твои шаги, прорывается в словах и осуществляется в поступках...

Так обстоит всегда. Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая *их* за главнейшее в жизни, *их* любя, *им* служа и предаваясь, то он сам превращается постепенно в чувственное существо, в искателя земных удовольствий, в наслаждающееся животное; и это будет выражаться в его лице и в его походке, смотреть из его глаз и управлять его поступками. Если человек верит в деньги и власть, то душа его постепенно высохнет в голодной жадности, в холодной жажде власти; и опытный наблюдатель прочтёт всё это в его взоре, услышит в его речи и не ошибётся, ожидая от него соответствующих поступков. Если он поверит в классовую борьбу и завистливое равенство, то он сам скоро станет профессиональным завистником и ненавистником, и в глазах его отразится чёрствая злоба, а в поступках – политическое ожесточение и т. д.

Однако тот же самый закон обнаруживается и на благих путях, но с тем различием, что человек будет не *верить*, а *веровать*, и это придаст его вере особую силу и глубину.

Замечательно, что русский язык придаёт идее веры два различных значения: одно связывает *веру* с потребностью *верить*, а другое – со способностью *веровать*.

Верят — все люди, сознательно или бессознательно, злобно или добродушно, сильно или слабо. *Веруют же* — далеко не все: ибо *верование* предполагает в человеке способность прилепиться душою (сердцем, и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что даётся людям в духовном опыте, что открывает им некий путь ко спасению². В карты, в сны, в гадание, в астрологические гороскопы – *верят*; но в Бога и во всё Божественное – *веруют*³. В суеверия *верят*, верят от страха и боятся от своей веры; и чем больше боятся, тем сильнее верят, и обратно. Но в то, что подлинно есть (что не «всуе», не напрасно), – *веруют*, и от этой верующей веры получают спокойствие и перестают бояться. Верящие люди чаще всего не имеют единого и общего им всем духовного предмета, и потому их вера *разъединяет* их, не создавая ни религии, ни церкви. Но верующие люди имеют единый и общий им всем духовный Предмет; они вступают в творческое единение с Ним, а через это объединяются между собою: слагается религия и церковь.

Важно отметить, что оба эти оттенка, передаваемые глагольной формой, сливаются и как бы исчезают в существительном «вера». Вера живёт и в том, кто *верит*, и в том, кто *верует*. Она выражает у обоих склонность души видеть в чем-то жизненно главное и руководящее и прилепляться к нему своим доверием и преклонением. Но эта приверженность души подни-

¹ Т. е. сосредоточенно помышляет о нём всеми своими душевными силами.

² См. замечательный труд Феофана Затворника, так именно и озаглавленный.

³ Терминология допускает такое словоупотребление: «верить» можно и в высшее – «я верю в Бога», «я не верю в бессмертие души»; но в низшее «веровать» нельзя. Нельзя сказать: «я верую в карты» или «я верую в дурные приметы»... Подобно этому: в сильного человека, в вождя «верят», а не «веруют».

мает человека на настоящую высоту только тогда, когда она находит себе высший и достойный предмет⁴.

И вот, если закон «*отождествления через веру*» обнаруживается уже на низших ступенях жизни и веры, то настоящей силы и полноты он достигает именно у *верующих* людей.

Если человек верует в Бога или хотя бы в божественное начало, проявляющееся в земных явлениях и обстоятельствах, то божественные содержания становятся для него жизненным центром и в созерцаниях, и в поступках, чем-то важнейшим и главнейшим, любимым, искомым, желанным и уже в силу одного этого – всегда присутствующим в душе обстоянием. *Узреть с очевидностью лучшее* — и не восхотеть его, и не *осуществить* его почти невозможно для человека; но также невозможно для него *осуществить* это лучшее и не *стать* самому лучшим, чем был раньше. Веровать в Бога значит стремиться к созерцанию Его, молитвенно медитировать о Нём, стремиться к осуществлению Его воли и Его закона; от этого возрастает и усиливается божественный огонь в самом человеке; он очищает его душу и насыщает его поступки. На высших ступенях такой жизни возникает то живое и таинственное единение между человеком и Богом, о котором так вдохновенно и ясновидчески писал Макарий Великий, характеризуя его как внутреннее «срастание» или «срастворение» (по-гречески – *xgacric*), от которого душа становится «вся – светом, вся – оком, вся – радостью, вся – упоением, вся – любовью, вся – милосердием, вся – благостью и добротою»⁵. . . Естественно, что от такого перерождения души изменяется и внешний вид человека, о чём он сам может и не знать, но что другим людям бывает трудно не заметить⁶.

Отшельник, проводящий свою жизнь в «богомыслии» и «богоделании», приобретает некую подлинную богоозаренность в душе и в её телесном обнаружении. Подобно этому душа истинного художника становится гармонической, поющей, мернозданною, утончённо созерцательною; и самое лицо его может стать ликом. Так, горящее сердце патриота укореняется в духе, силе и славе его родины. А тот, кто занимается чёрной магией и медитирует о Сатане, незаметно становится сам, и по лицу и по голосу, дьяволообразным. . .

Кто во что верует, тот тем и живёт, и обратно: скажи мне, чем ты живёшь как самым важным для тебя, и я скажу тебе, во что ты веришь или веруешь. Ибо человек есть не что иное, как живая целокупность того, чем он живёт и что он осуществляет, и притом именно потому, что он *это любит и в это верит*. Вот почему: «по плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16 и 20).

3. Не всё заслуживает веры

Так выясняется живая сила веры – и благой и дурной, и мудрой и неразумной, и парящей и пресмыкающейся. Как только слагается вера во что-нибудь определённое, слагается и захватывает душу, она оказывается *первичной, ведущей силой человеческой жизни*. Напрасно было бы принимать «твёрдое решение» ни во что не верить. Это могло бы привести только к самообману, ибо человек всё-таки будет верить и только напрасно внушать себе, что он решительно ни во что не верит, или же он будет условно понимать веру как веру в Божественное, запрещать себе именно эту благую, мудрую и парящую веру, подрывать и уродовать её в себе и уже силою этого прилепляться душою к чему-нибудь богопротивному, дурному и губительному.

Поистине это безразлично, во что люди верят; и во многое, во что люди верят, не стоит верить, ибо от этого не будет ничего, кроме вреда и гибели. Вера указывает человеку его *жизненный путь*; она определяет его *отношение к себе, к людям, к природе* и ко всему *священному* в жизни человека. И потому совсем не безразлично, верит ли человек в прошлое, разъединяю-

⁴ Это различие между «верящим» и «верующим» человеком мы и будем соблюдать в дальнейшем изложении.

⁵ Срав. у ап. Павла: А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом (1 Кор. 6, 16).

⁶ Ср. Библию. Исход. Гл. 34, стих 29–30: сходя с горы Синая, «Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним. И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот лице его сияет, и боялись подойти к нему»...

щее, уродливое и погрязает вследствие этого в животности и злобе, или он верует в духовно-значительное, соединяющее и прекрасное и вследствие этого парит наподобие ангела в благом и мудром служении. Вот почему надо признать, что решительно не всё заслуживает веры.

Но что же именно заслуживает её? Во что стоит верить? Есть ли здесь какой-нибудь верный и убедительный критерий?

Вот ответ. *Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть*, ибо *смерть* есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний. Достаточно самому применить этот критерий, со всей надлежащей серьёзностью и во всём его глубоком значении, и осветить им любое жизненное содержание – и его верность и убедительность раскроется перед очами.

Смерть ставит перед нами вопрос о самом главном, об основах нашего земного существования, о личной жизни в её целом. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него; она ставит нас перед основным вопросом: ради чего ты живёшь? во что веришь? чему ты служишь? в чём смысл твоей жизни? верен ли твой выбор, или ты до сих пор даже и не удосужился выбрать что-нибудь? стоит ли жить тем, чем ты живёшь, и верить в то, во что ты веришь? если стоит, то за это стоит бороться и умереть! Ибо *то, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры!*..

Это обнаруживается и подтверждается даже в самых простых, житейски повседневных условиях: кто живёт для собственного удовольствия или личного наслаждения и ни во что другое не верит, тот видит во всём (в вещах, в богатстве, в людях, в своём государстве) лишь средство или орудие и ни с чем не связывает себя безусловной связью, на жизнь и на смерть; ему не за что бороться до конца, ему нет смысла рисковать в этой борьбе своей жизнью; и потому при появлении смертельной опасности он будет думать только о себе и о спасении своей жизни любой ценой. Он всё побросает и от всего отречётся, соображая, что если он сохранит жизнь, то он сохранит и возможность новых наслаждений в будущем, а если он утратит жизнь, то он утратит и все возможные земные наслаждения. И, став неожиданно для самого себя дезертиром своего жизненного пути, он, может быть, впервые спросит себя: да стоило ли мне жить тем, чем я жил доселе, если я так легко отрёкся от этого без борьбы? не служил ли я каким-то кумирам, которым не стоило и служить?

Так обстоит со всеми людьми, которые не видят в жизни ничего, кроме земного, чувственного, и не имеют в виду главного, всеобщего и духовного: как только перед ними встаёт вопрос о главном и личная смерть оказывается у порога, они бросают всё и спасают свою жизнь; им нет смысла бороться за какую бы то ни было земную единичность, ибо личная жизнь кажется им дороже всякого отдельного (да ещё земного и чувственного) жизненного содержания. Но если они начинают борьбу и ведут её на смерть, говоря: лучше совсем не жить, чем потерять отчий дом, семью или свободу, – то это означает, что с этими благами у них был связан некоторый высший смысл и священное значение и что здесь у них дело не сводилось к личным наслаждениям. Можно понять, что человек отдаёт свою жизнь в борьбе за своё право, за свободу, за веру, за родину, за храмы, за свой народ, но отдать её за личные удовольствия – просто *не стоит*. "Это мы видим всюду, где у людей сохранилось хотя бы немножко чутья для высшего смысла жизни и для истинного значения веры: там они воспринимают смертельную опасность, откуда бы она ни надвигалась, будь это болезнь, или война, или землетрясение, или политический террор, или какая бы-то ни была иная катастрофа, как призыв, как пробуждение, как потребность одуматься или даже как начало глубокого жизненного обновления. И только там, где это чутьё для высшего смысла жизни и для истинного значения веры совсем иссякло и отлетело, где душа впала в совершенную религиозную слепоту и бесплодность, только там человек может перед лицом какой-нибудь опасности или неудачи проклясть самую жизнь свою и от случившегося с ним несчастья искать спасения в смерти. Такие люди живут всю свою жизнь так, как если бы для них были только две возможности: *наслаждение*

или *смерть*. Наслаждение определяет и исчерпывает смысл их жизни и содержание их веры; но именно поэтому смерть их остаётся столь же бессмысленной, сколь бессмысленна была и вся их жизнь.

Скажи мне, за что ты хотел бы отдать свою жизнь, а я скажу тебе, во что ты веришь. Ибо вера ставит каждого из нас перед высшей ценностью жизни, перед последним вопросом бытия, перед нашим существованием в целом: *когда смерть вопрошает душу, то душа отвечает верою*. Верующему свойственно крепко держаться за свою веру – и в жизни, и перед лицом смерти; но именно перед лицом смерти ему неизбежно спросить самого себя: да стоило ли, в самом деле, жить тем, чем я жил до сих пор? верна ли и крепка ли была моя вера?

Вот почему каждый из нас должен спросить себя: стоит ли отдавать жизнь за то, во что я верю? имеет ли смысл умирать за это? послужит ли моя смерть некоторому высшему и общему делу, которое не кончится с моей жизнью, но переживёт меня, которое осмыслит мою жизнь и освятит мою смерть, которое вознесёт меня выше меня самого и вплетёт мои силы и моё служение в Божественную ткань мироздания? Если да, то я верю во что-то *истинно священное*, во что стоит веровать, за что стоит бороться и умереть. Если нет, то я, вероятно, заблуждаюсь в моей вере и верю в нечто нестоящее; и тогда мне необходимо пересмотреть всю мою веру и всю мою жизнь до самой глубины и обновить их так, чтобы вера моя стоила борьбы на смерть, а жизнь приобрела бы смысл, не исчерпывающийся смертью.

И ещё каждый из нас должен спросить себя: способен ли я, готов ли я умереть за то, во что я верю? Если *да*, то моя вера сильна, глубока и действенна. А если *нет*, то сила моей веры невелика, и, может быть, она невелика именно потому, что прилепилась к нестоящему. Ибо поистине огонь веры усиливается от прикосновения к подлинно священному и становится неборимым пламенем от единения с подлинно Божественным; этот огонь истинной веры, хотя и живёт в личной душе человека, но источником своим имеет не только её одну...

Всё то, что мы высказали, можно было бы объяснить так. Человек не может жить без веры, но он может иметь веру слабую и дурную, ибо далеко не всякое жизненное содержание заслуживает веры. Слепо и неумно прилепляться к чисто земным обстоятельствам, т. е. к чувственно-единичным вещам как таковым, превращать их в настоящий центр своей жизни, принимать их как своё любимое и, главное, поклоняться им как высшей ценности, видеть в них высшую цель жизни, служить им и жертвовать ради них всем остальным. Из этого могут возникнуть только внутренние противоречия, измена и бессмыслица. Такая вера унижает самого верующего, ибо она превращает его самого в случайного слугу случайностей, во что-то несущественное, как бы в существо двух измерений (ибо остаются два измерения: *тело и душа*, слепые для *духа* и оторвавшиеся от него). Такая вера подрывает свою собственную силу и свой собственный смысл; она с самого начала дышит неверностью и предательством и испаряется при первом дыхании смерти. Конечно, человеку предоставлено верить во всё, что ему угодно, и в нелепость, и во вредоносное, и в погибельное; и вследствие этого нетрудно найти людей, которые в действительности верят в подобные вещи – в суеверные приметы (нелепое), в целебное искусство шарлатанов (вредоносное), в культивирование тёмных, сатанинских сил души (погибельное). Но человеку не дана возможность создать из нелепости или из любого порока – *религию и церковь*. Религия и церковь возможны только при наличии совсем особых условий, а именно: *глубокого и искреннего чувства и сильной, творческой веры*, – а это даётся только *жизненно здоровому духу*; и далее необходимо такое *содержание* веры и такой *уровень* её, которые были бы свободны от *душеразрушительного влияния*, от духовных ценностей и от начатков внутреннего предательства.

Однако во всех случаях и на всех путях жизни человек живёт и умирает или влача земные оковы своей веры, или несомый её духовными крыльями...

4. Знание и вера

В наши дни есть ещё один предрассудок в отношении к вере, согласно которому «знание» есть нечто достоверное, доказательное, истинное, а «вера» есть в конечном счёте не более чем «суеверие» (т. е. вера всуе, напрасная и неосновательная). Доказанное и обоснованное не приемлется на веру: оно познаётся и знает, оно мыслится. Верить же можно лишь в то, что не обосновывается и что поэтому *не основательно*, в то, что не докажется и потому не имеет за себя *ничего достоверного*. Поэтому здесь только и можно *верить* или *веровать*.

С этой точки зрения многие из наших современников говорят почтительно или даже с пафосом о мысли, знании и науке, и с презрением, или по крайней мере со снисхождением, о вере и верующих людях. Кто расположен к снисхождению и терпимости, тот осуждает веру и верующих не так строго: надо уж предоставить «глупым» и «необразованным» верить в их «фантазии», что же с ними поделаешь, особенно если фантазии «приличны» и «гуманны». Но кто серьёзно относится к знанию и доказательству и помнит о вреде предрассудков и об опасности суеверий, тот уже не обнаруживает ни снисхождения, ни терпимости; он уже категорически требует «просвещения» и «борьбы с обскурантизмом». Но если всякая вера есть, в сущности говоря, «суеверие», а насаждают суеверие именно упорные и зловредные обскуранты, с которыми необходимо бороться, то приговор над *христианством* во всех его исповеданиях оказывается уже произнесённым...

Ясно, что в этом предрассудке, при последовательном и волевом отношении к нему, уже заложено *гонение на христианство*.

За этим предрассудком скрывается на самом деле целое гнездо недоразумений и ошибок. С одной стороны, это воззрение безмерно переоценивает мысль и знание и придаёт так называемым доказательствам преувеличенное значение, ибо на самом деле многое, что люди причисляют к мыслимому и известному, остаётся необоснованным и недоказанным. С другой стороны, вера и суеверие совсем не одно и то же; в области веры имеются *своя особая достоверность* и свои полноценные основания; не замечать их или отвёртываться от них можно только по недостатку духовного опыта.

Так, прежде всего, было бы совсем наивно думать, что человеческое мышление и знание не делает ошибок или что оно способно доказать каждое своё утверждение. Вся картина мироздания в том виде, как его очерчивает наука, покоится на очень спорных и часто неясных гипотезах, которые иногда отчасти подтверждаются новыми наблюдениями, а иногда опровергаются и тогда – отвергаются. Эти гипотезы полезны, необходимы и драгоценны; без них исследование мира не могло бы совершаться и наука стала бы невозможной. Но они совсем не суть доказанные истины, даже и те из них, которые *доселе* подтверждались при наблюдениях. Чем дальше человек стоит от научной лаборатории, тем более он иногда бывает склонён преувеличивать достоверность научных предположений и объяснений. *Полуобразованные люди* слишком часто *верят* в науку так, как если бы ей было всё доступно и ясно; чем проще, чем элементарнее, чем проще какое-нибудь утверждение, тем оно кажется им убедительнее и окончательное; и только настоящие учёные знают границы своего знания и понимают, что *истина* есть их *трудное задание и долгая цель*, а совсем не лёгкая, ежедневная добыча.

Настоящий учёный прекрасно понимает, что научная картина мироздания *всё время* *меняется*, всё осложняясь, углубляясь, уходя в детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства. Достаточно вспомнить, как изменилась вся картина мира после того, как астрономическая система Птолемея была вытеснена системой Коперника; или что дало науке и народам открытие электричества, или радия, или беспроволочной передачи, или раскопки доисторических городищ, или спектральный анализ. Настоящий учёный знает, что наука никогда не будет в состоянии объяснить свои последние предпосылки или определить свои основные

понятия, например, точно установить, что такое атом, электрон, витамин, энергия или психологическая функция; он знает, что все его определения, объяснения и теории суть только несовершенные попытки приблизиться к *живой тайне* материального и душевного мира. О продуктивности науки не стоит спорить: за неё свидетельствуют вся современная техника и медицина. Но что касается её теоретических истин и их доказуемости, то наука плавает по морям проблематического и таинственного.

Здесь проходит грань между учёным и полуобразованным.

Настоящий учёный знает, доколе простирается его знание, и потому он духовно скромн. Он ищет и пытается доказывать; он всегда добивается *максимальной* достоверности и доказательности, ясности и точности; но именно поэтому он знает, сколь трудно это даётся, и всегда помнит, что полной достоверности у науки нет. Он всегда помнит, сколь ограничен *объём* того, что уже познано, и сколь сравнительно невелика сила и компетентность научной мысли; ибо поистине мысль есть только *одна из способностей* человека, наряду с другими, а научная мысль нуждается в *опыте*, для которого необходимо чувственно воспринимать, ощущать, чувствовать, желать, воображать, созерцать и совершать поступки. Настоящий учёный понимает всё это и не переоценивает ни отвлечённую мысль, ни науку в целом. Вот почему он не верит в отвлечённые схемы и мёртвые формулы и хранит в себе живое ощущение глубокого, таинственного и священного. Этим и объясняется то обстоятельство, что среди настоящих и великих учёных многие питали и питают живую веру в Бога: их взор не ослеплялся тем, что уже познано и добыто, но оставался прикованным к тайнам мироздания и к скрытым в них богатствам, а созерцание этих тайн пробуждало в них тот внутренний, духовный опыт, от которого родится религиозное настроение и «верующая» вера. Так, истинная учёность не уводит от Бога, а ведёт к Нему.

Совсем иное дело полуобразованность. Такой человек не умеет исследовать и познавать; он умеет только понимать то, что просто и плоско, и – помнить. Он живёт заученными формулами, от которых в голове всё становится плоско и просто; он принимает это за ясность и поэтому воображает, будто всё ему ясно и будто он призван всё объяснять другим. Вот откуда у полуобразованных людей эта безмерная притязательность и безответственность: добыв без труда свою плоскую ясность, не научившись в труде познания ни ответственности, ни скромности, они смотрят не вверх, а вниз, не вглубь, а в отвлечённую пустоту, где всё легко, легкомысленно и беспочвенно. Они не создают сами ничего, но заимствуют всё у других, перенимая, подражая, подхватывая и повторяя. Есть немало людей, у которых и самое чтение книг получает такое же значение: по слову одного наблюдательного учёного, «они и читают-то только для того, чтобы иметь право не думать самостоятельно». Нередко они выбирают себе какого-нибудь одного человека, который становится их авторитетом, учителем и вождём. Тогда они начинают верить в него и в его формулы. Всё, что не укладывается в эти формулы, или вовсе не существует для них, или подлежит искоренению; все несогласные с ними объявляются вредными лжецами и лицемерами. Такие полуобразованные фанатики верят своему учителю с тою же легкомысленною неосновательностью, с какою они верят во всемогущество мысли и в свою мнимую науку. Таинственная глубина материального и душевного мира остаётся им недоступной, и всё их воззрение на природу и на людей оказывается предметом их *суеверия*. И нередко бывает так, что чем пошлее их миропонимание, тем фанатичнее они *верят* в него. *Веровать же* они не способны и к религии относятся с презрением и враждебностью, не подозревая о том, что именно *у верующих* вера может быть ответственною, серьёзною и глубокою. Вот источник современного воинствующего безбожия.

Это состояние души, распространённое в современном человечестве, давно уже было подмечено нашими поэтами, описано и осуждено ими.

Так, у друга Пушкина, князя П. А. Вяземского⁴, мы находим следующие гневные строки:

*Наш разум, омрачась слепым высокомерьем,
Готов признать мечтой и детским суеверьем
Всё, что не может он подвести под свой расчёт.
Но разве во сто раз не суеверней тот,
Кто верует в себя, а сам себе загадкой,
Кто гордо опёрся на свой рассудок шаткий
И в нём боготворит свой собственный кумир?..⁷*

Ещё глубже и пророчественнее звучит та же мысль у Тютчева⁵:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознаёт свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит...*

Увы, люди этого уклада, по-видимому, далеки ещё от сознания своей погибели. Они всё ещё верят в свою полунауку.

Достоевский имел это в виду, когда писал: «Полунаука – самый страшный бич человечества... Полунаука – это деспот, каких ещё не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым всё преклонилось... с суеверием, до сих пор немислимым»⁸...

Но если полуобразованные люди склонны переоценивать науку и её силы, то сущность истинной веры и религии остаётся для них совсем непонятной.

На самом деле религиозная вера вовсе не связана с глупостью и невежеством; она нужна всем людям: и самым умным, и самым образованным. К сожалению, в мире немало людей, которые *не умеют* возвести свою слепую веру на уровень духовно-зрячего, религиозного верования; и наряду с ними есть ещё больше людей, которые принципиально *не хотят верить*, но *совсем не верить* не могут, и потому верят в нелепое и вздорное, а потом не хотят признаться в этом, отрицают свою веру и уверяют, что их нелепости «познаны» и «доказаны» (например, воинствующие материалисты). И как же не противопоставить им тех многих, умных и научно образованных людей, которые верно постигли сущность науки и границы человеческой мысли и тем освободили в своей душе место для *искренней и чистой веры в Бога!*

Для того чтобы это утверждение не казалось голословным, приведём несколько живых свидетельств, высказанных великими естествоведами за последние четыре века. Их можно было бы привести гораздо больше.

Вот суждение великого славянина Коперника⁶ (1473–1543):

«Созерцая мысленно великолепный порядок мироздания, управляемый с Божественной премудростью, кто не почувствовал бы, что постоянное созерцание его и, так сказать, интимное общение с ним возводят человека к Высшему и к восхищению перед всезидущим Строителем Вселенной, в Котором пребывает высшее блаженство и Который есть венец всякого добра...»

А вот суждение Бэкона⁷ Веруламского (1561–1626):

---

⁷ П. А. Вяземский. Молитвенные думы.

⁸ Достоевский. Бесы. Часть вторая. Глава первая.

«Только поверхностное знание природы может увести нас от Бога; напротив, более глубокое и основательное ведёт нас назад, к Нему...»

Знаменитый хирург своего времени Парэ8 (1517–1590) говорил о своих пациентах: «Я перевязывал, целил – Господь...»

Галилео Галилей⁹ (1564–1642) записал: «И Священное Писание и природа исходят от Божественного Слова; первое – как внушение Святого Духа, вторая – как исполнительница Божиих велений...»

У Кеплера¹⁰ (1571–1630) читаем: «В творении – я касаюсь Бога как бы руками...», и ещё: «О Отец света, Ты, Который при помощи естественного света пробуждаешь в нас желание света благодати, чтобы возвести нас к свету величия! Благодарю Тебя, о мой Создатель и Господь, за то, что Ты обрадовал меня творением Твоим, ибо я был в восторге от дела рук твоих...»

Вот суждение знаменитого Бойля¹¹ (1626–1691):

«Истинный естествоиспытатель нигде не может проникнуть в познание тайн творения без того, чтобы не воспринять перст Божий».

Гёте¹² пишет (1749–1842): «Время сомнения прошло – теперь люди также мало сомневаются в самих себе, как в Боге».

Заслуженный физик Эрстед¹³ (1777–1851) отметил:

«Всякое основательное знание природы ведёт к познанию Бога».

Анатом фон Халлер¹⁴ (1708–1777) высказал следующее признание: «Меня познание природы научило мыслить более возвышенно о Боге, пред Которым наша земля есть одна из маленьких пылинок, лежащих в бесчисленном множестве у подножия Его трона...»

Лаконическую формулу оставил нам астроном Мэдлер¹⁵ (1794–1874): «Настоящий естествоиспытатель не может быть отрицателем Бога...»

Знаменитый геолог Лайэлль¹⁶ (1797–1875) записал следующее: «В каком бы направлении мы ни повели наши исследования, всюду мы открываем самые ясные доказательства творческого Разума или его Провидения, силы и мудрости».

Следующие два замечания мы находим у прославленного химика Либиха¹⁷ (1803–1873): «Это всё мнения дилетантов, которые из своих прогулок у пограничных областей естествознания выводят своё право разьяснять незнающей и легковёрной публике, как это, собственно говоря, возникли мир и жизнь и сколь далеко зашёл человек в исследовании высших предметов...» «Не забывайте, – говорил он своим студентам, – что мы при всех наших знаниях и исследованиях остаёмся близорукими людьми, сила которых коренится в том, что мы имеем опору в высшем Существо».

Зоолог Агассиц¹⁸ (1807–1873) устанавливает: «Из изучения природы каждый должен вынести убеждение, что всё упорядочено неким возвышенным Духом».

Ботаник Шлейден¹⁹ (1804–1881) высказывается в том же самом направлении: «Именно настоящий и точный естествоиспытатель никогда не может стать материалистом в современном смысле слова, отрицателем духа, свободы и Божества».

Весьма интересное признание мы находим у Чарлза Дарвина²⁰ (1809–1882): «В состояниях самого крайнего колебания я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы я отрицал существование Бога».

Известный учёный фон Майер²¹ (1814–1878), открывший закон сохранения энергии, пишет: «Если поверхностные головы, охотно выдающие себя за героев дня, не хотят признавать вообще ничего иного и высшего, кроме материального, чувственно воспринимаемого мира, то такую смешную претензию отдельных лиц нельзя ставить в укор науке; ещё менее пользы и чести будет самой науке от этой претензии... Из целостного, полного сердца восклицаю я:

истинная философия не может и не смеет быть не чем иным, кроме как пропедевтикой для христианской религии».

Приведём, наконец, суждение знаменитого французского учёного Дюбуа-Реймона²² (1818–1896): «Только Божественному всемогуществу можем мы достойно приписать, что оно до всякого представимого времени создало всю материю посредством творческого акта...»

Приведённого достаточно. Желаящие пусть обратятся ещё к Ньютону²³, Лейбницу²⁴, Фехнеру²⁵ и к философам всех времён и народов, исходившим непосредственно из духовного опыта⁹. Один из глубокомысленнейших историков XIX века (Карлейль) точно передаёт основной дух приведённых нами формул, когда говорит: «Человек вообще не может знать, если он не молится чему-то в определённой форме. Нет этого – и всё его знание оказывается пустым педантством, сухим чертополохом»²⁶...

Но молиться имеет смысл только тому, чему действительно стоит молиться. Как же могут люди воспринять Бога? Где же путь, ведущий к Нему?

Благо тому, в чьей душе этот путь проторён с раннего детства...

Но как быть ищущему и ещё не нашедшему?

5. Источник веры

Итак, знание и вера совсем не исключают друг друга. С одной стороны, потому, что положительная наука, если она стоит на высоте, не преувеличивает ни своего объёма, ни своей достоверности и совсем не пытается судить о предметах веры; она не судит о них ни положительно («есть Бог», «жизнь человека имеет высший, священный смысл»), ни отрицательно («Бога нет», «человек не выше обезьяны» и т. п.). Её граница – чувственный опыт; её метод – объяснять все явления естественными законами и стараться доказать каждое своё суждение. Она держится за этот опыт и за этот метод, отнюдь не утверждая, что они всеобъемлющи и исчерпывающи, и отнюдь не отрицая того, что можно достигнуть истины в другой области при помощи *другого опыта и другого метода*¹⁰.

С другой стороны, настоящая вера вырастает именно из этого *другого опыта* и идёт своим *особым путём* (методом), отнюдь не вторгаясь в научную область, не вытесняя и не заменяя её.

Тот, кто полагает, что вера есть нечто произвольное, несерьёзное и безответственное и что веровать можно только без всяких оснований в недостоверное и выдуманное, тот жестоко ошибается; и ошибка его проистекает из наивности. Так, он, конечно, воображает, будто он хорошо знает и понимает, *что такое человеческий опыт* и что значит *обоснованность и достоверность*. На самом же деле он этого *не* знает и *не* понимает, и в этом его наивность. Поэтому он должен однажды убедиться в том, что он всего этого не понимает, и, убедившись, отказаться от своего предрассудка и взять назад все свои суждения.

На самом деле человеческий опыт бесконечно шире, богаче и разнообразнее, чем это представляют себе современные материалисты и безбожники. Когда они говорят об этом, то они представляют себе *чувственный* опыт, который даётся человеку через его внешние чувства (зрение, слух, осязание и т. д.) и открывает ему доступ к материальному миру. Человек, прилепившийся исключительно к чувственным ощущениям (сенсуалист) и принимающий всерьёз только то, что они ему приносят (а они говорят ему только о внешних, пространственно-протяженных вещах, т. е. о материальном), станет, сам того не замечая, материалистом.

---

⁹ См. следующий раздел «Источник веры», 63.

¹⁰ Метод есть слово греческое и обозначает буквально «путь вслед за чем-нибудь», «путь к известной цели».

Материалист привержен к одному-единственному источнику опыта; он верит только в него и пользуется только им; этот источник составляют внешние ощущения. Вследствие этого материалист отличается односторонностью, ограниченностью, скудостью своего опыта. Это не значит, что он в действительности имеет дело только с внешними, чувственными восприятиями, так что он только и может видеть, слышать, обонять, касаться и иметь вкусовые раздражения; нет, но он вырабатывает себе (иногда бессознательно, иногда сознательно) такую душевную установку, *как если бы он не имел никакого другого опыта*. Он живёт и думает так, как если бы в его опыте не было никаких *нечувственных содержаний*, как если бы доказывать и обосновывать можно было только при помощи чувственных восприятий и только в области материальных вещей. Он не привык возвращаться в сфере иного опыта и иных предметов. Он как бы прильнул раз навсегда к состояниям своего тела и к показаниям его органов, *им доверился, в них поверил* и затем уверил себя, будто ни у него, ни у других людей нет доступа ни к чему другому. Его внимание, его интерес, его желания, его деятельность обращены на внешнее; выражаясь условно, можно сказать, что он экстравертирован (обращён наружу). И если он видит человека интровертированного (обращённого вовнутрь, к внутреннему, нечувственному миру), то он оказывается неспособным ни понять его установку, ни поверить ему на слово: он объявляет его выдумщиком, фантазёром или обманщиком.

А между тем всякий сколько-нибудь опытный мыслитель мог бы без особого труда доказать такому наивному и самоуверенному материалисту, что он решительно неправ, ибо всё сводится к односторонней скудости *его* опыта, или, ещё точнее, к *нежеланию* его заметить и принять всерьёз другой опыт, без которого он сам не может обойтись. У материалиста, как и у всякого человека, имеются не только *телесные* состояния, но и *душевные* состояния; и многие из этих душевных состояний дают ему *нечувственный* опыт и открывают ему *нечувственные предметы*. Неумно и вредно закрывать себе глаза на это разнообразие и богатство опыта, культивировать свои *низшие* способности и отвергать или даже отрицать *высшие*. Ещё глупее и вреднее – пытаться уговорить других людей к такому же скудоумию или прямо навязывать им это скудоумие в порядке государственного принуждения, как это делают коммунисты, предписывая материалистическое преподавание в школах и давая социальные преимущества безбожникам и воинствующим материалистам.

В действительности дело обстоит так, что человеку, наряду с чувственными ощущениями, даны и другие, бесконечно более благородные, утончённые и значительные *источники опыта*. Судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того, живут ли люди этим опытом, умеют ли ценить, развивать и творчески пользоваться источниками его и т. д. Весь современный духовный кризис, переживаемый человечеством, объясняется тем, что человечество вот уже в течение нескольких поколений пренебрегало источниками этого опыта и отвыкло, отучилось пользоваться ими; ослеплённое успехами естествознания и техники, охладевшее к религиозным глубинам жизни, оно доверилось всецело (или почти всецело) чувственным ощущениям и вырастающей из них теории и практике. Вследствие этого люди нового времени изошрились в изучении материальной природы и в технических изобретениях и незаметно оказались в состоянии детской беспомощности в вопросах *духовного опыта, духовной очевидности и духовных умений*. Преодолеть этот кризис можно только одним способом: *вернуться к этим благородным и чистым источникам духовного опыта, пробудить их и творчески зажечь ими*.

Человек не может жить одними чувственными восприятиями, исходя только из них и ограничиваясь только ими; может быть, это и доступно простейшим и низшим животным, но, например, собаки и лошади стоят, несомненно, уже на более высокой ступени. Человеку же присущи, сверх телесных ощущений, ещё чувствования, сила воображения, воля и энергия мысли. Конечно, он может пренебрегать этими состояниями, или, так сказать, *внутренними актами*, и сводить их к известному минимуму, уподобляясь животным, у которых преобла-

дают чувственные ощущения и телесные потребности: человек может также превратить эти высшие потребности своей души в простое орудие своих телесных раздражений и потребностей, т. е. не столько жить ими, сколько злоупотреблять ими. Но если бы он вступил на этот путь, то из этого возникли бы только величайшая нужда, варварство и пошлость. Почему? Потому что эти пренебрежённые и заброшенные душевные силы отнюдь не перестали бы жить и действовать в его душе, а стали бы нести *нечистую жизнь* и увлекать душу на *гибельные пути*, ибо орудие, которое не чистят и запускают и которым злоупотребляют, всегда становится вредным и опасным.

Конечно, можно относиться с презрением к жизни *чувства* — например, к любви, радости, благодарности, уважению, благоговению, чести и патриотизму — и отвергать всё это как сентиментальность, но от этого душевные чувствования отнюдь не исчезнут, они станут только грубыми, злобными, нечистыми и отвратительными, т. е. душевно и телесно вредными, а духовно — гибельными; они прилепятся к *дурным* содержаниям, и человеческая душа исполнится ненависти, зависти, злости, гордости и мстительности.

Точно так же «отвергнутая» и запущенная *сила воображения* отнюдь не исчезает и не прекращает свою жизнь; напротив, она разнуздывается и предаётся самым низменным, грубым и унижительным жизненным содержаниям: она отыскивает похотливые, безвкусные, злые образы и наслаждается ими, — и проносится слепо и равнодушно мимо образов целомудренной чистоты, благородства и божественной красоты. Люди, не уводящие своего воображения к высшим, нечувственным содержаниям, становятся *пленниками пошлости* и, по слову мудрого Гераклита, всю жизнь «наслаждаются грязью».

Такая же судьба постигает и человеческую волю, если она оказывается духовно беспризорной и нравственно разнузданной: она начинает служить *волку в человеке* и становится его свирепым орудием. Невоспитанная, неодоухотворенная, необлагороженная воля есть источник всех коварных, злобных и преступных поступков на земле. В ответ на это человек может, конечно, возразить, что все эти понятия и мерила не имеют для него никакого смысла. Но эта ссылка есть лишь пустая фраза в его устах: как только *чужое коварство, чужая злоба* и преступность обрушатся на него самого, так он сразу ощутит, что означают эти идеи, и начнёт поносить *чужого* волка, забыв о том, что он давно уже спустил с цепи своего собственного.

Подобно этому и *мышление* человека творчески создаёт культуру не тогда, когда оно прилепляется к чувственному и материальному, чтобы просто «наблюдать» его явления и умственно «разлагать» их (анализировать); из этого не возникла бы ни одна наука, ибо научное познание невозможно без логической мысли (которая совершенно нечувственна) и без математической мысли (которая почти нечувственна), а также без нравственно воспитанной воли и без нечувственной интуиции... Мышление человека только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно чувственного к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на *духовных* содержаниях, пребывать в них, созерцать их и познавать их.

Всё это означает, что помимо внешнего (чувственного) опыта человеку дан ещё внутренний (нечувственный) опыт. И вот этот *внутренний, духовный опыт* и есть *истинный источник и истинная область веры, религии и всей духовной культуры вообще*. Воспитать человека значит, прежде всего, пробудить в нём эти духовные переживания и открыть ему доступ к этому духовному опыту. Только в этом опыте человек может постигнуть, что такое *любовь*, какова её глубина и сила и в чём её священное значение. Только здесь он может научиться отличать добро от зла, услышать в самом себе голос совести, постигнуть, что такое честь, благородство и служение. Только в этой области он может увидеть, что такое художественность и прекрасное искусство, воспитать свой вкус и развить своё восприятие красоты. Только духовный опыт может открыть ему, что такое истинное знание, очевидность и доказательство и в чём состоит научная культура и достоинство учёного.

Через *духовный опыт человек, сообщается с Божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом*. Отсюда возникает «верующая» вера. Здесь зарождается религия и церковь.

Пренебрегающий духовным опытом теряет доступ ко всему этому. Он как бы *сам залепляет себе духовные очи* и предаётся слепоте и пошлости. От всех вещей он видит только внешнюю видимость и довольствуется тем, что превращает её в пустую, абстрактную схему. Глубина и тайна жизни уходят от него – и во внешнем мире, и в его собственной душе. Он блуждает по распутьям до тех пор, пока не ударится головой о гранитную стену тех духовных законов, которые он отверг, или пока не сокрушится в пропасти тех духовных запретов, над которыми он доселе издевался. Ибо духовные законы и запреты связуют *всех* людей, в том числе и тех, которые отвергают их или издеваются над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попираť их; но никогда ещё человек и народ, идущий по этому пути, не вёл на земле *достойной, творческой и прекрасной жизни*; напротив, все они разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в духовном небытии.

Только духовный опыт – опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, – только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный *Предмет религиозной веры*. Надо, чтобы он в самом деле *увидел духовными очами* то, во что он будет отныне верить; чтобы он *подлинно испытал и узнал Божественность Бога* и прилепился к *Нему свободно и целостно*, – не понаслышке, не от усталости и отчаяния, не из доверия к чужому авторитету, ибо слухи меняются, и усталость проходит, и чужой авторитет может поколебаться. Человеку же нужен *камень веры*, который *вечно был бы с ним*, – и в песчаной пустыне, и в снежной буре, и в непролазном лесу, и в тюремной одиночке, и в одиночестве всеобщей клеветы и злобы; такой камень, который всегда можно было бы осязать как неколебимую твердь и стать на него, как на некий столп утверждения... Человеку необходим *свет очевидности*, некая несгорающая купина, которая горела бы в *нём самом*, чтобы он мог и сам возгореться от неё; ему необходим свет неиссякающий и ему самому внутренне доступный. Источник такого света один: это *духовный опыт, в коем человеку открывается лицезрение Божие*. Отсюда – всякая подлинная, «верующая» вера, эта первая и высшая сила человеческой жизни, дающая ему свободный полёт через жизнь и смерть. Только здесь человек может обрести своего Бога и Господа и соединить себя с ним любовью и верностью.

Только этот внутренний духовный опыт делает человекообразное существо воистину человеком, т. е. духовной личностью, с неразложимым, священным центром, с индивидуальным характером, со способностью духовно творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство. Потому что *последняя основа* всего этого, *творческий первоисточник* всей духовной культуры есть *Божественное в нас*, даруемое нам в *Откровении живым и благим Богом*, воспринимаемое нами посредством любви и веры и осуществляемое нами в качестве самого главного и драгоценного в жизни.

Иными словами: вся *духовная культура* возникает лишь из того и благодаря тому, что человек не ограничивает себя чувственно внешним опытом, не отводит ему ни исключительного, ни хотя бы преимущественного значения, но, напротив, признаёт основным и руководящим *духовный опыт*, из него живёт, любит, верует и оценивает все вещи, а следовательно, им же определяет и последний смысл и высшую цель внешнего, чувственного опыта, т. е. сперва обретает «внутри себя» Божественное начало, а затем предоставляет ему водительство во всей внешней жизни.

Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является *любовь*.

Глава вторая О любви

1. Что есть любовь

Первым и глубочайшим источником духовного опыта является духовная любовь. Её надо признать основным и необходимым «органом» духовного опыта. И всякому христианину это должно бы было быть ясным без доказательств.

Все попытки определить любовь в логическом порядке были бы тщетны: того, кто её не испытал, нельзя ни просветить, ни убедить в этом отношении. Впрочем, духовный опыт подобен в этом всякому другому опыту. *Всякое доказательство* покоится в конечном счёте и в последней инстанции на живом опыте, на живом восприятии и увидении. Всякое доказательство ведёт рано или поздно (чем скорее, тем лучше!) к *предмету*, который надо воспринять, увидеть и пережить; и тот, кто не может воспринять предмета или не хочет испытать и увидеть его, тому вообще никогда и ни в какой области нельзя ничего доказать, ни в естествознании, ни в истории, ни в философии. Последняя ступень доказательства всегда звучит так *а всё это потому, что сам предмет таков; вот он – переживи, восприми, испытай и признай!* – и потом: *если не хочешь или не можешь, то отойди, умолкни и не мешай другим!*

Именно так неспособный к предметному опыту должен уйти из исследовательской лаборатории и прекратить всякие споры, и притом вследствие своей умственной или духовной неспособности. В философии дело обстоит совершенно также, как и в высшей математике, или в физике, или в юриспруденции...

И тем не менее живое своеобразие духовной любви может быть и должно быть *описано*. Что это за состояние – любовь? и чем отличается духовная любовь от недуховной?

Там, где начинается любовь, там кончаются безразличие, вялость, экстенсивность: человек собирается и *сосредоточивается*, его внимание и интерес концентрируются на одном содержании, именно на любимом; здесь он становится *интенсивным*, душа его начинает как бы накаляться и гореть. Любимое содержание – будь то человек, или коллекция картин, или музыка, или любимые горы – становится живым центром души, важнейшим в жизни, главным предметом её. Оказывается, что любовь даёт человеку, по слову Платона, сразу душевное *богатство* и душевную *бедность*: богатство – ибо человек нашёл сокровище своей жизни, которым он владеет и которое он как бы носит в себе, отсюда чувство душевного обилия, силы, счастья, повышенного интереса к жизни и благодарности за всё это; бедность – ибо у человека возникает чувство, что он никогда не владеет своим сокровищем до конца и что *без него и вне его* он сам скуден, печален и одинок, отсюда чувство душевной скудости, слабости, несчастья, разочарования во всём и ропот на свою лишенность и нищету. И всё же, несмотря на эту тоску лишенности, человек чувствует себя обогащённым и богатым.

Вот почему любовь есть *радость*, которая не покидает человека даже и в страдании, но светит ему сквозь все неудачи, лишения и огорчения, так что он радуется и тогда, когда терпит муку, ибо он знает, что он имеет в себе самом некое сокровище и чувствует, как от близости к этому сокровищу душа его заливается глубокой и тайной радостью, как бы неким блаженным светом. Оказывается, что любовь, сама по себе, даже в отрыве от любимого предмета, есть уже счастье, в котором душа перестаёт каменеть, размягчается, становится как бы подвижной и лёгкой, гибкой и текучей; она нежно чувствует, поёт и обращается ко всему миру с сочувствием и добротой. *Любовь есть доброта* — не только потому, что она окружает сочувствием свой любимый предмет, печётся о нём, страдает и радуется вместе с ним, но и потому, что любовь,

сама по себе, даёт человеку счастье и вызывает у счастливого потребность осчастливить всё и всех вокруг себя и наслаждаться этим чужим счастьем как излучением своего собственного.

Истинная любовь этим не исчерпывается и на этом не останавливается: она *вживается* в любимый предмет вплоть до *художественного отождествления* с ним¹¹. Чувство и воображение соединяются у любящего человека и повышают силу его восприятия и воспроизведения настолько, что пронизательность его по отношению к любимому предмету доходит до настоящего *интуитивного ясновидения*. Иногда эта сила ясновидящей пронизательности ограничивается одним любимым человеком (например, у матери – её детьми) или любимым предметом (например, у музыкального критика – музыкой одного любимого композитора); но всегда эта сила переносится и на других людей, и даже на весь мир (например, у гениального художника). Во всяком случае, человек, осчастливленный любовью, созерцает и воспринимает предметы внешнего и внутреннего мира совсем иначе, чем человек с сухим и каменеющим сердцем, холодный и чопорный эгоист. Любящему человеку весь мир говорит иное и иначе, так, как если бы каждый цветок раскрывался ему по-особенному, каждая птичка пела ему по-иному, каждый луч солнца светил ему ярче, каждое человеческое сердце повёртывалось к нему особенно; подобно тому, как в сказке избушка на курьих ножках повёртывается к Ивану-царевичу передом, а к лесу задом. Ибо любовь есть сила всеотгревающая, всеотмыкающая и всевидящая; она сама и цветёт, и поёт, и сияет.

Вот почему любящая душа воспитателя, врача, художника и духовника есть поистине священное орудие для новых постижений и умений; и, в сравнении с их видением и влиянием, наблюдение жестокосердного эгоиста есть лишь жалкая немощь. Ибо они воспринимают то,

*Что для ума покрыто тьмою,
Но сердцу видимо в дали...*

*Князь П. А. Вяземский*²⁷

И это видение и влияние любящего сердца, проявляющего нередко истинно гениальную пронизательность, усиливается ещё от самоотвержения, этого последнего и высшего дара любви. В самом деле, вчувствование и воображение любящего сердца доходит иногда до того, что человек действительно проявляет полное самоотречение: любимый предмет оказывается для него выше его самого; он становится для него живым центром его жизни, которому он служит, нисколько этим не унижаясь, и которому он приносит многое в жертву, щедро и беззаветно, нисколько не помышляя об этих жертвах. Он делает единственное, что ему естественно и неизбежно делать; он делает необходимое как единственно для него возможное и добровольно желанное, не думая о других, трусливых и неискренних путях.

Такова настоящая любовь, так она действует и проявляется в жизни.

В таком виде любовь можно найти иногда, хотя совсем не часто, и в обыденной жизни, именно там, где она проистекает из чистого и цельного сердца. Никто не умел живописать людей такого сердца и такой любви столь совершенно, как Достоевский, Лесков и Шмелёв в России, как Диккенс и Гофман в Западной Европе. Но свою настоящую и высшую форму эта любовь приобретает тогда, когда она *срастается с духовным опытом* или прямо *вырастает* из него.

Человеку доступна двоякая любовь: *любовь инстинкта* и *любовь духа*. Они совсем не враждебны и не противоположны, но сочетаются они сравнительно редко. Отчасти потому, что многие люди совсем не знают духовной любви; отчасти потому, что обе эти любви вступают в разноречие друг с другом; отчасти потому, что более сильная из них не даёт другой развиваться и окрепнуть и просто подчиняет себе слабейшую. Но сколь же счастливы те люди, у коих оба

---

¹¹ См. главу первую, раздел второй.

потока любви соединяются в один и становятся тождественными! Всякое иное счастье на земле является, по сравнению с этим счастьем, чем-то второстепенным.

Отличие этих двух видов любви совсем не в том, что одна из них есть чувственная и потому земная, другая же посвящена сверхчувственному и называется небесной, или платонической. Различие их в том, что *любовь инстинкта* ищет того, что данному человеку *субъективно нравится*, с тем чтобы потом слепо идеализировать это нравящееся и без всякого основания приписывать ему в воображении все возможные совершенства; здесь всё определяется субъективной приятностью и личным удовольствием, тогда как начало качества, достоинства, совершенства отходит на второй план или же не имеет никакого значения. Формула этой любви приблизительно такова: этот предмет мне нравится, значит, ему должно быть присуще всякое совершенство, мил – значит, хорош, *по милу хорош...* Само собой разумеется, что за этим ослеплением, за этой наивной идеализацией следует в большинстве случаев раннее или позднее разочарование.

В отличие от этого *духовная любовь* тяготеет к *качеству, достоинству, совершенству*. Она не восхваляет сослепу то, что нравится, но ищет подлинно хорошего, и это подлинно хорошее вызывает у человека чувство любви: это – доброта и благородство души, художественное произведение искусства, человек с глубоким и чистым сердцем, справедливость, мудрость, величие и значительность природы – словом, *Божественное совершенство* во всех явлениях, вещах, людях, состояниях и поступках... У человека, живущего духовной любовью, чувствующее и чуткое сердце обращено как бы от природы на *объективно хорошее*, на такое, что на *самом деле* «добро зело»; и эта обращенность сердца на объективное качество, или достоинство вещей, есть всегда некий дар Божий, который может быть, однако, укреплен и развит как воспитанием, так и *самовоспитанием*. Такой человек как бы смотрит в мир *качественным оком*, отыскивая подлинное совершенство, находя его, предпочитая его, радуясь ему и насыщаясь духовно только им; сердце его утешается им, наслаждается им, любит его; оно связывает себя с ним; оно испытывает его успех и победу, как свои; оно всегда готово помочь ему словом и поступком, послужить ему, принести ему в жертву многое другое...

Духовная любовь есть как бы некий *голод души по Божественному*, в каком бы облике это Божественное ни появилось. Она есть как бы вздох, призыв, молитва, обращенная к духовному небу: *явись! дай мне узреть Тебя! откройся! дай мне эту благодать и радость!* – и эта молитва, может быть, совсем не произносится словами, а *безмолвно живёт в сердце в виде сокровенного, лёгкого трепета* — трепета ожидания, надежды, вечного озирания, или – у волевых людей – в виде уверенности, требования, настойчивых, неутолимых поисков.

Формула этой любви приблизительно такова: этот предмет хорош (может быть, даже совершенен); он на *самом деле* хорош, не только для меня, но и для всех; он хорош – объективно; он остался бы хорошим или совершенным и в том случае, если бы я его не увидел, или не узнал, или не признал его качество; я слышу в нём дыхание и присутствие Божественного Начала – и потому я не могу не стремиться к нему; ему – моя любовь, моя радость, моё служение...

Выражая это русской простонародной поговоркой, можно сказать: *«Не по милу хорош, а по хорошу мил»*.

Можно бы сказать, что духовная любовь есть не что иное, как *вкус к совершенству*, или – верный духовный *орган для восприятия Божественного совершенства* как в небесах, так и на земле. Можно было бы сказать, что этот вкус или орган присущи человеку по благодати Божией; но в то же время необходимо было бы добавить, что *зачатки* такого вкуса или органа свойственны многим (если не всем!) людям от природы, конечно, в различной степени и силе. Одни люди живут в этой *духовной интенции*¹²; они пребывают в ней, любят её, дорожат ею,

---

¹² Слово «интенция» выражает сразу и «направленность», и «интенсивность»; значит – сосредоточенную направленность,

укрепляют, углубляют, очищают её в себе и затем, исходя из неё, *веруют и действуют*. Напротив, другие пренебрегают ею, не дорожат ею, не умеют освободить для неё свой ум и своё сердце – и потому блуждают по диким и случайным тропам своего неразборчивого права или своей прихоти и похоти.

Из всего этого ясно, что духовная любовь совсем не исключает инстинктивную, или чувственную, любовь. Она не отрицает её, а только прожигает её Божиим лучом, очищает, освящает и облагораживает. Инстинкт, примирившийся с духом, участвующий в *его* видении и в *его* радовании, не перестаёт быть инстинктом и не отрекается от чувственной, плотской любви; он утрачивает только тягу к самовольству, силу буйного соблазна и присущую ему духовную бессмысленность. Сила инстинкта и сила духа сочетаются, чтобы не разлучаться; и тогда *чувственная любовь становится верным и точным знаком духовной близости и духовной любви*. «Мил» и «хорош» соединяются, и инстинкт получает полную свободу считать своё субъективное «нравится» духовно безошибочным. «Небо» как бы сходит «на землю», или, вернее, дух вселяется в инстинкт, – и акт инстинкта становится духовным событием...

Понятно, что всё то, что мы высказали о любви вообще, относится и к духовной любви.

В духовной любви человек сосредоточивает свои духовные силы на том, что *на самом деле* хорошо и совершенно, и вследствие этого огонь этой любви становится *священным пламенем*.

Это *объективно совершенное* есть *само Божественное*, как бы излучившееся в мир, в природу и людей, и вот теперь излучающееся из них навстречу ищущей душе. Мир вещей и людей пронизан веяниями благодати, освещён и освящён присутствием Духа Божия. Духовно слепой не видит этого света, духовно мертвенный не осязает этих веяний. Но душа духовно разверстая и чуткая внемлет им, как чудной и светлой музыке. Она внемлет им и в веселии полевых цветов, и в благодати первопахшего и всепрощившего снежного покрова, и в молчании далёких ледяных гор, «и в разъярённом океане, среди грозных волн и бурной тьмы» (Пушкин). Она внемлет им и в умилении материнского сердца, и в смирении кающегося грешника, и в подвиге доблестного патриота, и в «созданиях искусств и вдохновения» (Пушкин), и в познавательном восторге учёного аскета. Для духовно зрячей души вся «эта сотворённая природа» есть не что иное, как некая «великая книга», в которой человек, «когда хочет», может читать «слова Божия» (Антоний Великий²⁸¹³), ибо нет в мире «места или вещества какого, где бы не было Бога» (Антоний Великий¹⁴), и Богом «создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое» (ап. Павел¹⁵).

Два человека смотрят одновременно в мир вещей и людей. И вот один видит Бога, а другой не видит. Почему? Потому что увидеть его можно только тому, кто зажёт в самом себе свечу духовной любви и духовного видения.

*Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы всё равно читаем в ней,
По кто, читая, понимает?
Понимают не всё, лишь тот —
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознёсся духом*

концентрированность.

¹³ Добротолюбие. Том 1, с. 588. Приведено у Евагрия.

¹⁴ Добротолюбие. Том 1, с. 75; ср. 91 и др.

¹⁵ Послание к Колоссянам, гл. 1, стих. 16.

*И сердца трепет жадным слухом
Как вещей голос изловил!*¹⁶

Чтобы увидеть духовное и священное, надо самому обратиться к миру из духа и святости; чтобы увидеть свет и тайну, надо иметь в душе орган для тайны и света. И потому надо укрепить и развить в себе этот орган; надо приобрести *око для духа* и внутреннее *огнище для любви*. И тогда только откроется нам, что действительно «нет на земле ничтожного мгновенья»¹⁷, и станет понятно, почему есть немало людей, которые смотрят и не видят, или, по Гераклиту, «присутствуя, отсутствуют».

*Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звёздах нема была!
И языками неземными
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!*¹⁸

Всё это означает, что *любовь к совершенному отверзает человеку очи духа* и является первейшим и главнейшим *источником веры в Бога*. Кто что любит, тот того жаждет и ищет. А так как искомое есть Бог – *подлинно реальное совершенство*, то он Его и находит. Вот что значит обетование: «близ стою, при дверех».

Тогда Бог становится живым средоточием человеческой жизни, её сокровищем, уже обретенным, но всё же всегда искомым; и сам человек становится *богат* как обладатель этого сокровища и в то же время *беден* как вечно ждущий его, как вечный пилигрим. Здесь он находит доступ к духовной реальности, которая открывается ему в духовном опыте и не подлежит никакой внешней «относительности» или условности. Здесь он обретает неиссякаемый источник радости, священной радости, духовного блаженства; и ничто внешнее не может лишить его этого источника, ибо он в нём самом. Отсюда ведёт своё начало и свой закон его жизненная *воля*; здесь он научается *сильно желать верного*; здесь он познаёт свой долг и свои обязанности; здесь он научается самоотверженному, жертвенному служению. В нём слагается последняя и глубочайшая *основа его личного характера*, закладывается тот камень, на котором он утвердит алтарь своей души. И так как он, как всегда все люди, движимые любовью, искренно и сосредоточенно *живёт* любимым предметом, вживаясь в него, или, по выражению Церкви, «облекаясь в него», то его внутреннее существо начинает приобретать живой оттенок совершенства, живую освященность, исходящую от Бога. Возникает живое единение, о котором мы уже говорили¹⁹. Человек не противостоит Богу как чуждому, страшному «инобытию»; он воспринимает Его таинственным образом в себя, он носит Его в глубине своего сердца так, что человек освящается присутствующим в нём Божеством, а Бог как бы излучается из его сердца и его дел. По словам апостола Павла: «а соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6, 17).

Именно это имел в виду Макарий Великий³², когда говорил о таинственном «срастании», или «срастворении». Именно это имел в виду Гегель, когда утверждал, что искренняя и огнен-

---

¹⁶ Веневитинов. Поэт и друг²⁹.

¹⁷ Баратынский. На посев леса³⁰.

¹⁸ Тютчев. «Не то, что мните вы, природа»³¹.

¹⁹ См. главу первую, раздел второй.

ная молитва к Богу является сама по себе лучшим доказательством бытия Божия, ибо она есть не что иное, как живое действие Духа Божия в сердце молящегося человека... Кто взывает к Богу из глубины сердца, в том уже действует внутренне сам Господь; и это есть действительное, опытное и очевидное доказательство Его бытия, после которого незачем требовать какого-нибудь другого умственно рассуждающего доказательства. Но это доказательство может быть получено только в личном и живом духовном опыте; человеку же, лишённому этого опыта, оно остаётся недоступным. Тот, кто получил этот опыт и это доказательство, тот уже никогда не почувствует себя покинутым или отверженным, ибо он знает, где и как он снова найдёт открывшийся ему доступ; и он сумеет найти его и тогда, если он будет погибать совсем одиноким в морской буре, или в ледяной пустыне, или в самом последнем тюремном подземелье; он и в беде найдёт этот путь и в смерти получит духовную опору.

2. Любовь как путь

Итак, любовь к совершенному есть источник религиозной веры. Именно на этом пути человек становится верующим в подлинном и чистом смысле этого слова.

Нельзя начать веровать в силу логических, отвлечённо умственных доказательств или аргументов. Рассудочные доказательства могут только *разрушить умственные сомнения*, да и то только в том случае, если все сомнения проистекают из умственного источника и имеют разумные и предметные основания²⁰. Вера не даётся доказательствами. Ибо источник веры не в рассуждении, а в *предметном горении сердца*. В этом основное отличие православия от протестантизма.

Точно так же нельзя веровать в силу волевого решения – своего собственного или чужого (приказа или понуждающего мучительства). Правда, человеку, который уже верит (именно *верит*, а не *верует*) или который способен начать верить в порядке самовнушения (особенно если ему безразлично, во что, собственно, надо верить), воля может помочь в *подавлении сомнений* или других внутренних противлений. Но к верованию этот путь не ведёт. Сколько бы человек ни твердил себе, что надо уверовать, сердце от этого не воспламенится и духовное видение от этого не возникнет. Однако воля может разбить цельность души и этим сделать веру навсегда недоступною для человека; воля может приучить человека к лицемерному оказательству и этим извратить его религиозность. Одно несомненно – что никакое волевое напряжение не может отверзнуть духовно незрячие очи и не может вызвать к жизни глубокий огонь любви. Вера не даётся волевому нажиму. Ибо источник веры не в волевом решении («буду веровать»), а в *силе созерцающей любви*. В этом основное отличие православия от католичества.

Человек может уверовать, только свободно и полно прозрев, духовно прозрев сердцем, или иначе – узрев Бога в горении свободной и искренней любви. Но это каждый из нас должен пережить сам в себе и за себя. Правда, горящая вера одного, изливаясь в словах его и делах, может вызвать огонь в других сердцах; но в этих других сердцах огонь должен появиться действительно как живое и самостоятельное пламя, а не только в виде «подражания» или внушающего «заражения». Тогда только духовная любовь может вызвать в душе духовное прозрение (как бывает у одних людей) или же (как бывает у других) духовное прозрение вызовет к жизни пламя веры. Тогда вера может превратиться в средоточие души и в действительный путь жизни.

Вера становится *главным в жизни* не в смысле церковного богослужения, ибо совсем не все люди призваны к духовному сану, а главным источником настроений, решений, слов и дел. Вера вдохновит и направит волю, раскроет уму и воображению новые горизонты, облагородит

---

²⁰ Я хочу сказать, что бывают сомнения, проистекающие из чисто личного, и притом бессознательного, источника, неустрашимые и неутолимые никакими доказательствами, вечно возникающие вновь и наслаждающиеся собою, подобно нелепым вопросам «почему?» у маленьких детей.

жизнь чувства и воспитает, освящая и одухотворяя чувственную жизнь человека. Она станет как бы в центре душевного круга или жизненного шара и разошлёт по всей периферии как бы живыми радиусами свои лучи в виде всепроникающего света, вскрывающего во всём духовный смысл и особую, не выставляющуюся напоказ, религиозную значительность. И от этого постепенно, но окончательно вытравится из жизни источник безбожия и главный враг духовности – *пошлость*.

У верующего человека открыто духовное зрение, отличающее *добро* от зла, *совершенное* от несовершенного. И потому он видит Бога, ибо Бог есть *добро и совершенство*.

У верующего человека на таинственном и скрытом от глаз «жертвеннике духовном» (Григории Синаит³³) горит огонь; это его *духовная любовь*, ведущая его и заставляющая его прилепиться к совершенному. И потому он не только видит Бога, но и любит его по завету Евангелия «всем сердцем», «всею душою», «всем разумением» и «всею крепостью» (т. е. волею своею)²¹.

И какие же доказательства или опровержения других людей могли бы убедить его, будто он «не видит» и «не любит Бога», когда он и видит и любит Его, по всей подлинной реальности Его подлинного совершенства и во всех его таинственных, но благодатных излучениях в мир людей и вещей? Осязая духом Его действие во мне, воспринимая и созерцая Его в моём живом и подлинном духовном опыте, как могу я *не* уверовать в Него или перестать в Него веровать? Источник удостоверения во мне самом; этот источник имеет характер *живого опыта*, который глубже и первоначальное всякого умственного доказательства, всякого отвлечённого опровержения...

Естественно, что человек, достигший этой ступени в своём внутреннем опыте и уверовавший в Бога, почувствует острую потребность узнать о Боге более того, что даёт этот достоверный и пламенный, но, может быть, недостаточно определённый духовный опыт. Он непременно спросит себя: что же открывается мне – безличное Божество, наподобие Огня Гераклита или Субстанции Спинозы, или личный Бог, как о нём учит христианство? и если это личный Бог, то как представить себе Его? Как сочетать личное начало в Боге с его вездеприсутствием? Возможно ли увидеть и уразуметь отношение Бога к миру и к человеческому роду и отношение человеческого рода к Богу? и как удостовериться живым опытом и духовным видением в том, что христианская Православная церковь содержит религиозную истину?

Само собой разумеется, что ответить исчерпывающим образом на все эти вопросы можно было бы только в виде целого *догматического богословия*, но и его было бы недостаточно: надо было бы обратиться к духовным путям восточной православной аскетики и попытаться воспроизвести в собственном живом опыте (конечно, в меру личных сил) её созерцательную практику. Всё это не входит в нашу задачу. Мы должны ограничиться здесь следующими путеводными указаниями.

Ни один человек из живших или живущих на земле не может считать свою веру совершенной и законченной – ни по глубине и объёму её, ни по её содержанию. Напротив, каждый остаётся до конца *строителем своей веры и Божиим учеником*. И чем искреннее и скромнее он в своём ученичестве, тем плодотворнее будет его строительство, тем большего он достигнет и в углублении своей веры, и в раскрытии и обогащении её содержания.

Ни один человек не имеет основания полагаться в этом на свои личные, одинокие силы, ибо он может быть уверен, что всей жизни его, даже сосредоточенной и напряжённой, не хватит на испытание Божиих тайн: «...длинней земли мера Его»²². Поэтому каждому человеку надлежит присмотреться к строению своего религиозного акта (ум ли в нём преобладает, воля или воображение, или горение сердца и созерцание любви?..) и прислушаться к тем содержаниям,

---

²¹ Мф. XXII. 37–40; Мк. XII. 29–31; Лк. X. 26–28.

²² Лесков. Захудальный род³⁴.

которые несёт ему духовный опыт. И, присмотревшись и прислушавшись, избрать себе наиболее сродную им религию и церковь и вступить в эту церковь и в эту религию в качестве *уже* верующего, но ещё *недостаточно и несовершенно* верующего ученика. Можно предположить, что строение его религиозного акта будет наиболее близко к вере его отцов, но в жизни бывает и иначе. Необходимо установить при этом, что чем больше его вера будет питаться *горением сердца и созерцанием любви*, тем ближе окажется ему Православное христианство.

Быть учеником в вопросах веры *не* значит заучивать формулы по указанию авторитетов, но значит бережно и ответственно углублять, очищать и расширять своё духовное чувствилище и его содержание; это значит припасть к духовно-религиозному опыту данной церкви, как к некой «неупиваемой чаше»³⁵ (Шмелев³⁶), и пить содержащуюся в ней мудрость и зоркость – мерю, лично доступною и целительною. Такое ученичество не только не постыдно и не унизительно, а наоборот – оно в смирении своём мудро и в целительности своей возносяще.

К какому бы исповеданию ни прильнул человек, к какой бы религии он ни приложился, он будет поддерживать общение с Богом. Это общение *есть молитва*. Опыт молитвы и ответит ему на все поставленные им вопросы.

Так, если вера его построена на *духовной любви*, то она откроет ему, что *Бог есть дух и любовь*, что всюду и всегда, где он коснётся духа и любви в других вещах и людях, он коснётся как бы ризы Божией; и что каждый раз, как он чувствует в себе самом веяние духа и трепет любви, он приобщается Богу живому. Он убедится, что главное и священное в нем самом то, что составляет подлинную сущность его личности, не только подобно Божию естеству, но что он *сам* есть искра этого пламени, водная капля из этого источника, живое и личное существо (индивидуация), сродное этому Духу. Тогда он скажет: «я есмь жизнь от Твоей Жизни и дух от Твоего Духа; и то, чего я хочу духом моим, есть Твоя Воля; и Твоему Делу я хочу служить отныне и до конца; и так, как я люблю Тебя, – так, но ещё бесконечно совершеннее, я хочу быть любимым Тобою». И одна эта молитва покажет ему, что он услышан Богом и любим Им. И он впервые убедится, что Бог есть Бог *личный и живой*. Ибо воззвать и быть услышанным, молиться и чувствовать, что молитва дошла и принята, раскрыть своё сердце и почувствовать себя прощённым и исцелённым значит вступить в *личное* общение с *личным* Богом. И, памятуя об условности и несовершенстве всех земных мерил и слов, он впервые скажет о Боге «Отец», а себя почувствует «сыном» этого Отца, состоящим в его неизъяснимой и благодатной любви.

Только *духом* можно познать Дух как высшее естество и существо всех вещей и людей. Только через живую, огненную *любовь* можно познать, что Бог есть Любовь. Только тот, кто чувствует себя «сыном» в духе и любви, может воззвать к Отцу.

И тот, кто раз испытает и постигнет это, и после этого прочтёт и прочувствует Евангелие, тот увидит во Христе подлинного, однородного Сына Божия и примет его духом, любовью и верою.

3. Любовь и вера

В этом описании нет никаких отвлечённых выдумок или произвольных построений. И в том, что здесь изложено, нет безответственного фантазирования или тёмного суеверия. Здесь свет разума не меркнет, здесь только устранены сумерки плоского рассудка и предоставлена свобода опыту сердца. Здесь всё покоится на живом, подлинном, духовном опыте. И было бы хорошо, скромно и разумно, если бы тот, кто не пережил этого духовного опыта и не хочет приобрести и пережить его, воздержался бы от суждений и отказался бы от праздно-иронической критики. Человек, не воспринявший Иисуса Христа духом и любовью, поступил бы лучше всего, если бы судил о Христе и христианстве с чрезвычайной осторожностью и отнюдь не причислял бы себя к врагам христианства. Часто, слишком часто, безбожник является безбожником только потому, что он *ещё не* выработал в себе духовного созерцания и держится

неверного мнения, будто такой душевной способности нет и не может быть. Если я не знаю, где дорога в Иерусалим, – могу ли я заключать из своего незнания, что ни Иерусалима, ни дороги к нему вообще не существует? Или, если знающий эту дорогу затрудняется описать её другому, то можно ли отсюда делать вывод, что он этой дороги совсем не знает или что он просто обманщик? Не всякий, живущий духовным опытом и духовной любовью, может научить других этому опыту и этой любви или описать их, обосновать их и раскрыть их сущность; для этого нужны особые способности и дары. Но кто берёт на себя эту задачу, тот должен быть в самом деле мастером духовного опыта; он должен уметь жить, воспринимать и созерцать в духовной любви, ибо если он этого не умеет, то он не может быть ни учителем, ни духовным воспитателем.

Итак, духовный опыт, этот живой источник веры и религии, не есть ни выдумка, ни суеверие. Он есть подлинная реальность; и каждый может и призван пережить его, удостовериться в нём и усвоить его (конечно, каждый по-своему и в своих пределах). И тогда он увидит, что из этого источника действительно проистекает благодатный поток в человеческую жизнь и во всю человеческую культуру.

В строении и осуществлении духовного опыта отдельные люди и народы не похожи друг на друга²³. Так, например, история знает целые народы, которые искали «совершенства» прежде всего и больше всего в чувственном созерцании (греки); вследствие этого они создали религию образной красоты, и боги их остались пластичными, человекообразными индивидуальностями, носителями силы, духовно и нравственно несовершенными существами, несмотря на завершённость их красоты и величия. Наряду с этим история отмечает такие народы, которые «искали» совершенства в соблюдении законов и обрядов, предписанных им высшим авторитетом (иудеи), вследствие этого они создали религию строжайшей обрядности, и даже глубокие нравственные прозрения их позднейших пророков не могли ни изменить, ни отменить выработанное ими национальное понимание религии...

Ещё гораздо многообразнее духовные пути отдельных людей. Есть люди, которые ухватывают край ризы Божией в искусстве и через искусство; они понимают и осуществляют искусство как особый способ видеть и изображать Божественную сущность мира и человека. Наряду с ними есть другие люди, которым вдохновение благородного искусства говорит очень мало, но зато сердце их расцветает в живой любви к ближнему так, что они приходят к духовному опыту и созерцанию Бога именно на этом пути. Есть люди, которым свет Божий даётся в созерцании справедливости и права, в мудром, неподкупном, художественно-чутком правосудии; другие находят тот же луч Божий в мужественном и терпеливом несении страданий²⁴; иные созерцают мудрость Божию в природе и её таинственно-прекрасной жизни²⁵; иные вступают с Богом в непосредственное общение в излинии простой, одинокой, искренней молитвы... Ни один из этих путей не подлежит отвержению; каждый из них может и должен привести человека в священное средоточие веры, к Богу, Отцу всяческих. Евангелие объёмлет все эти пути и всякие иные пути, говоря: «возлюби Господа Бога твоего всем *сердцам* твоим и всею *душою* твоею, и всем *разумением* твоим, и всею *крепостью* твоею»; и затем: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37; Мк. 12, 30; Лк. 10, 27).

Итак, не подлежит сомнению, что духовная любовь и духовный опыт даются не всем людям в одинаковой мере и в одинаковом виде. Они сами (и любовь, и опыт) суть дары благодати, и кому они даются «сами собой», как бы «от природы», тот не имеет заслуги. Однако возможно и необходимо беречь этот дар, растить его, открывать ему доступ во все внутренние

---

²³ См. об этом в главе седьмой.

²⁴ Ср. «Живые мощи» Тургенева.

²⁵ Ср., например, у Гёте: «Неужели ты не видишь Бога? У каждого тихого родника, под каждым цветущим деревом я нахожу Его со всею теплотою Его любви». См. также особенно бессмертную книгу Фехнера: «Нанна, или Жизнь растений».

пространства души и предоставлять ему водительство в жизни. И подобно этому возможно и необходимо передавать этот духовный свет другим людям, никогда не думая о том, что, может быть, есть на свете такие, которые навеки лишены благодати, ибо если бы даже существовали на свете такие люди, то кто же из нас знает этих несчастных? А опыт свидетельствует о том, что огонь духа, проникая в сердце зачерствелого человека, способен зажечь его, и притом именно потому, что под ста дурными слоями таинственно тлела Божия искра.

А раз живая и подлинная вера возникнет из духовной любви и укрепитесь в духовном созерцании, то она непременно захватит последнюю глубину человеческого существа и проникнет из неё во все сферы личной жизни. Духовная вера как бы отверзает у человека новые очи или натягивает в его душе новые струны и заставляет их звучать; возникают новые, более благородные, утончённые потребности; он начинает видеть и постигать то, что остаётся скрытым от неверующих людей, – *стихию священного в человеческих душах и в мире вещественной природы*. Само собой разумеется, что духовно верующий человек видит и всё то, что умеет наблюдать неверующий; но наряду с этим и сверх этого, он видит в мире и в человеческой истории некий *высший смысл*, другие, высшие и могущественнейшие законы, правящие миром; законы Провидения, Духа и Божественных целей, а также законы человеческой свободы, подвига, правоты и греха... В общем и целом – особый мир, таинственно скрытый в видимом мироздании; мир, в который духовно живой человек всю жизнь всматривается, как сквозь завесу, и к которому он прислушивается как бы издали. Из этого внимания, из этого зренья и слуха и возникло *всё великое*, созданное людьми в их истории.

Вот почему мы утверждаем, что из этой области текут благодатные, творческие струи в человеческую жизнь и во всю человеческую культуру. В этом потоке, который изнутри проникает, облагораживает и освящает все человеческие дела и создания, всё рождается как бы заново: всё получает священное значение, глубокий смысл, внутреннюю, неколеблущуюся опору, духовную верность и побеждающую силу. Именно к этому зовёт наш ясновидящий Тютчев:

*Приди, струёй его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божески-всемирной
Хотя на миг причастен будь!*³⁷

Но если этот миг придёт, то он, наверное, повторится и упрочится. А если он овладеет душой, то вся несостоятельность безбожного искусства, богоотрицающей науки, противодуховной политики и чёрствой, антисоциальной общественности обнаружится воочию и покажется сущим мраком и крушением по сравнению с культурой, религиозно овеянной и освященной.

Итак, человек не может жить без веры. Но без веры в *Бога* жизнь человека становится бесплодной, пошлой и разрушительной – мнимой жизнью, ведущей к бесчисленным страданиям и всеобщему разложению.

Путь же к вере и к Богу именуется духовной любовью. И первое, что она может и должна дать, есть *свобода*.

Глава третья О свободе

*Скажи им таинство свободы*³⁸...
*Хомяков*³⁹

1. Внешняя свобода

Исследуя вопрос о вере, я пытался показать, что, веруя в Бога, человек создаёт свой реальный жизненный центр и строит, исходя из него, свою душу: благодаря этому, он сам становится живым духовным единством, с единственным центром и неколеблющимся строением, – он приобретает зрелый и законченный духовный характер. На этом пути он обретает священную и главную цель своей жизни, которою стоит жить, за которую стоит бороться и в борьбе за неё отдать свою жизнь: эта главная цель его жизни именуется *делом Божиим на земле*, т. е. делом религиозно осмысленной духовной культуры.

Оказывается, что вера не есть просто некоторое «ощущение» или «чувство». Напротив, она есть некий целостный жизненный опыт, некое мирозерцание и система действий; она вовлекает в свой процесс и волю, и мысль, и слово, и дело – всё сразу, всего человека целиком, ибо вера исходит из последней глубины человеческого существа и потому неизбежно захватывает всего человека. Только при этом условии вера становится *действенной, творческой верой*: укоренённой, искренней, цельной и победной.

Но для того, чтобы вера возникла и разгорелась и приняла такую силу и обличье, человек должен быть в своей вере *свободен*.

Что значит «свободен»? Какая свобода имеется здесь в виду? Свобода *от чего и ради чего?*

Здесь имеется в виду прежде всего *внешняя свобода* человеческой личности. Не свобода делать всё, что кому захочется, с тем, чтобы другие люди не смели никому и ни в чём мешать, но *свобода веры, воззрений и убеждений*, в которую *другие люди не имели бы права вторгаться с насильственными предписаниями и запрещениями*, иными словами – свобода от недуховного и противодуховного *давления*, от *принуждения и запрета*, от *грубой силы, угрозы и преследования*. Ввиду того что здесь дело идёт об ограждении *извне* духовного опыта и веры, такую свободу можно обозначить как «внешнюю», или «отрицательную»; она ограждает интимный и глубокий процесс богоискания от насилия со стороны *других людей* и постольку её можно обозначить и как «общественную»²⁶... Её формула может быть выражена таю «не заставляй меня насильственно, не принуждай меня угрозами, не запрещай мне, не прельщай меня земными наградами и не отпугивай меня наказаниями... предоставь мне самому испытать Божественность Божественного, уверовать в Бога и свободно принять Его закон моим сердцем и моей волею...» Эта формула требует для человека «религиозной автономии» (букв, с греческого – «самозакония»²⁷), в отличие от «гетерономии» (с греч. – «чужезакония», т. е. предписания или запрещения, идущего от других людей).

Не подлежит никакому сомнению, что человек в своём общественном воспитании и в государственной жизни безусловно нуждается в гетерономных, т. е. идущих извне, предписаниях и запрещениях, причём эти предписания и запрещения должны быть часто поддер-

²⁶ Обычно ей усваивают название «свободы совести», что совсем не точно.

²⁷ Только по недоразумению можно противопоставлять этому «религиозному самозаконию» (автономии) «теономию» (богозаконие), ибо всякое богозаконие может состояться только автономно.

жаны угрозой, а иногда подкреплены силой и принуждением²⁸. Пока люди не научатся самостоятельно преобразовать зарождающиеся в *их собственной* душе дурные влечения; пока они не научатся обессиливать *чужие* дурные намерения при помощи любви, ласкового взгляда и доброго слова, превращая чужую злобу в благотворную доброту (а когда это будет?! – и будет ли?!), до тех пор в этом порядке ничего не изменится. Однако, если бы люди научились этому, гетерономные приказы и запреты не исчезли бы из жизни, ибо ни воспитание детей, ни создание прочных и больших общественных организаций, покоящихся на положительном праве (от научного общества до государства и международной организации включительно), не могут обходиться без таких гетерономных правил.

Но духовная любовь, вера в Бога и вообще личные убеждения не создаются такими приказами и запретами. Всякое чужое принуждение, в чём бы оно ни выразилось и какие бы формы оно ни принимало, подходит к человеку *«извне»* и надвигается на него, в известном смысле, *«сверху»*, т. е. в порядке обязывающего авторитета; поэтому оно оказывается неспособным *захватить последнюю глубину сердца, пробудить её и обратить к Богу*. На такое давление, приходящее «извне» и «сверху», внутреннее ядро человека отвечает обычно сопротивлением и возмущением или, ещё хуже, ожесточением, упрямством и ненавистью. Тогда подавленный человек, вместо того чтобы пользоваться своей свободой из глубины и по существу, вместо того чтобы строить по-своему свой духовный опыт, начинает взывать к формальной свободе, ссылаясь на своё неотъемлемое право и вступает в борьбу за него; и если бы даже налагаемые на него приказы и запреты содержали самое единую и единственную религиозную истину, то и в этом случае они не только не открыли бы его душу для приятия её, но замкнули бы его душу в слепоте и глухоте...

Запрет и принуждение, угроза и страх могут вынудить у человека только лицемерную «любовь» и лицемерную «веру», а эти вынужденные, показные, неискренние проявления скрывают за собою или прямое лукавство, или же испуганное, мертвеющее сердце; и все усилия и нажимы власти достигают только того, что истинная любовь и истинная вера гибнут или совсем не возникают в человеческой душе, в ней всё становится искусственным, натянутым, раздвоенным, фальшивым и потому – бессильным и, в сущности говоря, *кощунственным, ибо священное требует искренности и Божественное не терпит расчётливого притворства или лицемерия...*

В этом ничего не меняется и в том случае, если человек, поставленный под угрозу и принуждение, принимает внутреннее решение – принудить самого себя усилием воли к «любви» и «вере», т. е. заставить себя насильственно разлюбить любимое и полюбить нелюбимое или разувериться в том, во что он верит, и поверить в то, во что ему не верится. Это не удастся ему. Ибо на самом деле в органически здоровой душе воля не может породить любовь и веру²⁹, напротив, она сама получает своё горение и освящение из священного огня *невынужденной любви и свободной веры*.

Несомненно, воля может жить, господствовать и вести человека и *без любви*, но тогда она оказывается холодной и сухой, формальной и безжалостной. Воля может обходиться и *без веры*, но тогда она оказывается оторванной от духа к святых, беспринципной и безнравственной, чем-то вроде испорченного автомата или зверя, вырвавшегося из клетки. Можно даже решиться на такой опыт: не любя, притвориться любящим и действовать из притворной любви и, не веруя, симулировать веру и подражать во всём верующим – всё это в тщетной надежде, что, может быть, когда-нибудь потом, вследствие такого притворства и таких неискренних усилий, любовь и вера присоединятся к этим упражнениям; такие люди начинают с вынужденных внешних поступков и надеются привлечь этим в душу священный огонь. Иногда такие неис-

---

²⁸ См. подробное развитие и обоснование этого взгляда в моей книге «О противлении злу силою».

²⁹ Католическое воззрение, лежащее в основе всей средневековой инквизиции и крестовых походов против еретиков.

кренние упражнения приводят к ряду общественно полезных действий, особенно в сфере так называемой общественной благотворительности. Но ни одно из этих действий не входит полноценным звеном в живую цепь Божьего дела на земле... И если бы впоследствии священный огонь любви и веры вспыхнул однажды над такими лицемерными и мёртвыми делами, то оказалось бы, что человек любит лишь с того мига, когда его сердце загорелось изнутри, и что вера его началась лишь с того момента, когда глубина его души была искренно захвачена и свободно обратилась к Богу. Всё же прочее, до этого, оставалось *системой лицемерия*.

Никогда ещё ни одному человеку не удалось и никогда ни одному не удастся полюбить на основании приказа или искоренить в себе веру на основании запрета. И если любовь возникает *после* приказа, то она возникает *не по приказу, а вопреки* ему и *независимо* от него, т. е. любовь приходит сама, а приказу не удаётся помешать ей и сделать её невозможной. И если вера исчезает *после* запрета, то она исчезает *не на основании* его, но на основании других душевных переживаний, а может быть, и вследствие того, что она *выла мнимая* и что на самом деле её вовсе не было.

Божественный огонь в человеке, который в нём любит, верует и творит, не может быть ни произвольно вынужден, ни произвольно погашен; все, чего здесь можно достигнуть, и то лишь вследствие человеческой слабости и робости, – это временного умалчивания о нём, поддержания от внешних высказываний и проявлений (т. е. ухода в душевную катакомбу).

Есть закон, который надо продумать и усвоить раз навсегда: *внешнее давление*, со всеми его угрозами, насилиями и муками, и *духовный огонь*, во всей его произвольности и священной властности, чужеродны друг другу («гетерогенны»); они суть проявления различных сил и сфер, причём высшая сила (дух) властна над низшей, она может вызвать её к жизни и остановить её изнутри; но низшая сфера не властна над высшей: внешней силе подчинено только внешнее. Вот почему прав Шопенгауэр⁴⁰, когда он говорит: «Вера подобна любви, её нельзя вынудить. И потому это рискованная затея – пытаться ввести её при помощи государственных мероприятий...», и прав русский поэт, сказавший о духовном творчестве:

*Над вольной мыслью Богу неуютны
Насилие и гнёт:
Она, в душе рождённая свободно,
В оковах не умрёт!*³⁰⁴¹

Без этой свободы человеческая жизнь не имеет ни смысла, ни достоинства, и это самое главное. Смысл жизни в том, чтобы *любить, творить и молиться*. И вот без свободы нельзя ни молиться, ни творить, ни любить.

1. *Веровать* и молиться можно только самому, по доброй воле, искренно, из глубины. Нельзя молиться по приказу и не молиться по запрету. Молитва по приказу не нужна ни Богу, ни себе, ни людям; и тот, кто запрещает молиться, делает вредное, противорелигиозное дело. Отсюда – свобода верования, исповедания и любви.

2. *Любить* можно только самому, искренно, по доброй воле, из глубины. Нельзя любить Бога, родину и людей по приказу и перестать любить в силу запрета. Вынужденное оказательство преданности, расчётливый, казённый патриотизм есть притворство и обман; такое притворство ни к чему хорошему не ведёт; такой обман никому не нужен. Любовь не загорается по поведению и не угасает по предписанию, она *невьнудима*, и притом всякая любовь, и ко всему: и к Богу, и к людям, и к делу, и к природе, и к идеям. Отсюда – свобода духовной любви и убеждений.

³⁰ Граф А. К. Толстой⁴². Иоанн Дамаскин. VII.

3. *Творить* можно только по вдохновению, из глубины, свободно. Нельзя творить по приказу и не творить по запрету. Вспомним жалобы Иоанна Дамаскина, которому старец запретил вдохновенное пение:

*Перед моим тревожным духом
Теснятся образы толпой,
И в тишине, над чутким ухом,
Дрожит созвучий мерный строй;
И я, не смея святотатно
Их вызвать в жизнь из царства тьмы,
В хаоса ночь гоню обратно
Мои непетые псалмы...
Живым палимое огнём,
Мяётся сердце непокорно...
И казнью стал мне праздный дар,
Всегда готовый к пробуждению...³¹⁴³*

И так во всём. Как предписать законы вдохновенью?³² Как подавить ищущую мысль разума? Можно ли вынудить живой и полноценный, нравственно-творческий поступок? Что стоит жизнь без творчества, творчество без вдохновения, вдохновение без свободы? Отсюда – свобода духовного творчества.

Не признающий *этой* свободы и *такой* свободы как основы жизни и как духовной необходимости приравнивает человека животному, умаляет человеческое достоинство. Он заставляет человека *лгать* — Богу, себе и людям. Он искажает естество человека, превращает людей в чернь и, создавая инквизицию или тиранию, готовит себе самому или своему народу печальное будущее.

Свобода есть воздух, которым дышит вера и молитва. Свобода есть способ жизни, присущий любви. Отвергать это может лишь тот, кто никогда не веровал, не молился, не любил и не творил; но именно поэтому вся жизнь его была мраком, и проповедуемое им искоренение свободы служит не Богу, а бесу. Не потому ли таких людей называют мракобесами?

Однако не означает ли это, что человеку подобает *формальная и безмерная* свобода? Не есть ли это свобода творческого *разнуздания*, свобода разврата в любви, свобода религиозных извращений и бесчинств?

2. Внутреннее освобождение

Понимать «внешнюю свободу» человеческого духа как формальную и безмерную было бы глубокой и опасной ошибкой, ибо внешняя свобода («не заставляй, не прельщай, не запрещай, не запугивай»...) даётся человеку именно для *внутреннего самоосвобождения*, именно от него она получает своё истинное значение и свой глубокий смысл.

Что же есть «внутренняя» свобода?

Если внешняя свобода устраняет насильственное вмешательство *других людей* в духовную жизнь человека, то внутренняя свобода обращает свои требования не к другим людям, а к самому – вот уже внешне нестесненному – человеку. Свобода, по самому существу своему, есть именно *духовная свобода*, т. е. свобода духа, а не тела и не души. Это необходимо однажды

---

³¹ А. К. Толстой. Иоанн Дамаскин. VI, ср. V и VII.

³² Ср. у Пушкина. Родословная моего героя. «Зачем крутится ветр в овраге»⁴⁴... Ср. также «Поэту» – сонет.

навсегда глубоко продумать и прочувствовать с тем, чтобы впредь не ошибаться самому и не поддаваться на чужие соблазны.

Тело человека *несвободно*. Оно находится в пространстве и во времени, среди множества других тел и вещей – то огромных, как планеты, то больших, как горы, то небольших, как животные и люди, то мельчайших, как пылинки, бактерии и т. д. Всё это делает тело человека несвободным в движении, смертным и распадающимся до смерти, и всегда подчинённым всем законам и причинам вещественной природы. Эти законы человек может комбинировать или себе на пользу, или себе во вред, на погибель, но создавать и нарушать их он не может. Он может не знать о них или забыть об их действии, но освободиться от них он не может никогда.

Несвободна и *душа* человека. Прежде всего она связана таинственным образом с телом и обусловлена его здоровой жизнью. Далее, она связана законами времени и последовательности (длительность жизни и отдельных переживаний, наследственность, память и т. д.). Наконец, она связана своим внутренним устройством, которого она сама не создаёт и нарушить не может: законами сознания и бессознательного, силою инстинкта и влечений, законами мышления, воображения, чувства и воли. Душа имеет свою природу; природа эта имеет свои законы; душа не творит сама этих законов, а подчиняется им и не может изменять их по произволению.

Но духу человека *доступна* свобода, и ему *подобаёт* свобода. *Ибо дух есть сила самоопределения к лучшему*. Он имеет дар – вывести себя внутренне из любого жизненного содержания, противопоставить его себе, оценить его, избрать его или отвергнуть, включить его в свою жизнь или извергнуть его из неё. Дух есть сила, которая имеет дар *усилить себя и преодолеть* в себе то, что отвергается; дух имеет силу и власть *создавать формы и законы своего бытия*, творить себя и способы своей жизни. Ему присуща способность внутренне *освободить* себя, ему доступно *самоусиление и самоопределение к благу*. Освободить себя значит прежде всего обратить свою силу, чтобы быть сильнее любого влечения своего, любой прихоти, любого желания, любого соблазна, любого греха. Это есть извлечение себя из потока обыденной пошлости – противопоставление её себе и себя ей, усиление себя до победы над ней. Таков *отрицательный* этап самоосвобождения. За ним следует *положительный* этап: он состоит в добровольном и любовном заполнении себя *лучшими, избранными и любимыми* жизненными содержаниями...

Этот процесс добывания своей внутренней свободы может поставить человека в конфликт с потребностями его *тела*, ибо дух будет искать и найдёт нужную ему (духу!) и верную для него (духа!) меру еды, меру питья, меру движения, меру наслаждения, меру мускульного труда; при этом он будет видеть в теле своё орудие – то непокорное, то покорное – и будет мудро комбинировать законы телесной природы в свою пользу (т. е. в пользу духа). Далее возможны конфликты с собственными *душевыми* влечениями, ибо дух не может помириться с теми влечениями души, которые ведут человека по пути злобы, порочности, лени, безудержных наслаждений, необузданных порывов – словом, по пути унижения и разложения.

Найти в себе силу для такой борьбы значит заложить основу своего *духовного характера*. Утвердиться в этой силе и внутренне освободить себя (сначала отрицательно, потом положительно) значит *воспитать в себе духовный характер*. Это значит добыть себе «самостояние» или *внутреннюю свободу*, причём имеется в виду не *просто бытовая самостоятельность человека, а его духовное самоопределение*; и не только *внешняя автономия* человеческого духа, но и *внутренняя власть* его над телом и душою; и не только это *самообладание* человека (оно может остаться самостоятельной «выдержкой»), но *заполненность* душевных пространств *свободно и верно выбранными Божественными содержаниями*, которые приобретаются духовной любовью и религиозною верою.

Освободить себя не значит стать независимым от других людей, но значит стать *господином своих страстей*. Господин своих страстей не тот, кто их успешно обуздывает, так что они всю жизнь бушуют в нём, а он занят тем, чтобы не дать им хода, но тот, кто их духовно

облагородил и преобразовал. Свобода от страстей состоит не в том, что человек задушил их в себе, а сам предался бесстрастному равнодушию (так думали стоики), но в том, что страсти человека сами, добровольно и целостно, служат духу и несут его к его цели, подобно «серому волку», преданно везущему на себе Ивана-царевича в тридешатое царство.

Внутренняя свобода отнюдь не есть отрицание закона и авторитета, т. е. беззаконие и самомнение. Нет, внутренняя свобода есть способность духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу и самодеятельно осуществить его в жизни. Свобода не есть произвол, ибо произвол есть всегда потакание прихотям души и похотям тела. У свободного человека не произвол ведёт душу, а свобода царит над произволом, ибо такой человек *свободен и от произвола*; он преобразил его в духовное, предметно обоснованное *произволение*.

Вот что значит свобода, *внутренняя* свобода. И вот почему я сказал, что свобода подобает духу и должна быть предоставлена *именно ему*. Это значит также, что внешняя свобода служит внутренней, необходима для неё и даётся для неё. *Внешняя свобода есть естественное и необходимое условие для водворения и упрочения внутренней.* Здоровая религиозная жизнь нуждается в обеих свободах: человек пользуется тем, что его никто не «заставляет» и что ему никто не «запрещает», для того, чтобы открыть себе доступ к духовному опыту, пробудить в себе духовное видение, внутренне освободить себя, воспитать в себе духовный характер и определить себя к верным, чистым, нравственным, прекрасным, Божественным путям жизни... Из внешней свободы – этой необходимой основы религиозной веры и жизни – должна возникнуть духовная самостоятельность и самодеятельность человеческой личности в её отношении к Богу и затем к людям и природе. Тот, кто требует себе духовной свободы, не должен и не смеет понимать её формально, например, так «не заставляй, не запрещай! дай мне свободу – *делать всё, что мне заблагорассудится*, хотя бы выколоть себе духовные очи, пасть и погибнуть!» Это означало бы: *дай мне внешнюю свободу духа, чтобы я погубил и исказил свою внутреннюю свободу.* Или ещё короче: дай мне *свободу духовной гибели*. Детское, ребяческое требование! Именно так ребёнок требует себе острое орудие, чтобы злоупотребить им. Я говорю *орудие*, ибо внешняя свобода духа есть именно орудие для полного и истинного внутреннего самоосвобождения. Я говорю *острое* орудие, ибо духовная автономия при злоупотреблении может стать источником бесконечного вреда и губительных бедствий.

Люди, требующие себе *внешней* духовной свободы и не постигающие её *внутреннего* смысла и назначения, поистине заслуживали бы того, чтобы им дали эту формальную свободу и изолировали их в пространстве и во времени, чтобы они создали где-нибудь на отдалённом острове общество формально разнузданных и духовно погибающих людей на вечное поучение потомству...

Все эти соображения уже намечают известные границы духовной и религиозной свободы; при этом я имею в виду те положительные границы, которые не стесняют и не ограничивают свободу духа, но помогают её личному оформлению и здоровому расширению. В стеснениях и ограничениях, вообще говоря, нуждается не *свобода духа, а злоупотребляющая свободой бездуховность и противодуховность...*

Помочь человеку в его внутреннем освобождении и в установлении его духовной самостоятельности может прежде всего духовное общение с другими людьми.

Есть люди, у которых дух, предаваясь религиозному созерцанию и молитве, нуждается в *одиночестве* и поэтому удаляется от других людей в уединение. Так обстоит далеко не у всех; и под религиозной самостоятельностью человека следует разуметь не это. Человек может быть и должен быть религиозно самостоятельным везде – и в браке, и в семье, и в приходе, и в церкви. Потому что духовная свобода и религиозная самостоятельность отнюдь не исключают ни общения, ни единения людей. Напротив, *истинное* духовное единение возможно именно там, где каждый человек стоит духовно и религиозно на собственных ногах, т. е. носит в

себе самом живые источники духовного опыта и религиозной веры. Там, где этого нет, там единение не будет на настоящей высоте; а это значит, что там необходимо стремиться к этой личной самостоятельности и внутренней свободе людей.

Вот почему духовная свобода и религиозная самостоятельность людей отнюдь не исключают *воспитания и преподавания*. Напротив, всякий, не доросший до этой свободы, должен быть *воспитан* к ней, и всякий, не имеющий религиозной самостоятельности, поступит правильно, если начнёт учиться ей у тех, кто её уже достиг. Было бы величайшей ошибкой, если бы кто-нибудь, ссылаясь на свободу и автономию духа, потребовал, например, отмены преподавания Закона Божия для детей и богословия для взрослых. Ведь самостоятельности надо ещё научиться!.. Люди держатся на ногах сами и ходят самостоятельно, однако сначала *их учат* ходить... И кто захотел бы не учить своих детей ходить, а предоставил им свободу ползания на четвереньках? – и точно так же люди читают, считают и рассуждают свободно и самостоятельно, однако сначала *их учат* этому – в порядке обязательном и авторитетном... Кто согласился бы оставить своих детей малограмотными дикарями – во имя духовной автономии? – и вот, подобно этому, человек, владеющий духовным опытом и религиозным видением, призван и обязан преподавать другим свою способность и власть. Свободу духа нельзя истолковывать как *свободу от духа*. Свобода богосозерцания не есть религиозная слепота. И если внешняя свобода духа («не заставляй, не запрещай»)... отрицает что-нибудь, то лишь насилие, принуждение, угрозу и подкуп как средство влиять на религиозную веру людей, но она отнюдь не отрицает ни духовного воспитания, ни религиозного преподавания.

Отрицательная свобода есть лишь путь, ведущий к положительной свободе, средство, ведущее к цели. Можно ли придавать средству такое значение, чтобы настаивать на нём и в случае его негодности? Кто согласится принимать неподходящее, вредное лекарство только из уважения к его лекарственности? Если человек превращает свободу духа в свободу *от* духа, то она будет у него отнята... Так было в человеческой истории много раз, так будет и впредь. Если внешняя свобода духа развращает человека и делает его разнузданным, то самое разнуздание его вызовет к жизни такой строй и такую власть, которые урежут или погасят эту свободу. К этому не стоит даже призывать, ибо это *исторически неизбежно*.

Внутреннее око человека призвано к тому, чтобы свободно, добровольно, без принуждения обратиться к духу и ко всему Божественному на земле и в небе; и высший смысл всех правовых установлений и государственных законов состоит прежде всего в том, чтобы обеспечить людям эту возможность. Но пользование этой внешней свободой для *сращения* себя и других людей, и особенно малолетних, в бездуховное и противодуховное состояние не может быть допущено. Свобода не есть свобода духовного растления. Глазному врачу предоставляется свобода лечить глаза пациентов по своему крайнему разумению и искусству, но предоставляется ли ему свобода выкалывать глаза своим пациентам? Подобно этому, всякая соблазнительная и разлагающая пропаганда безбожия и противодуховности есть не что иное, как систематическая работа над выкалыванием духовных очей у людей наивных и доверчивых.

Акт духовного опыта, духовной любви и веры своеобразно слагается и вынашивается народами на протяжении столетий. Он созревает преимущественно в бессознательном порядке, и притом медленно, передаваясь в процессе воспитания и преемства от одного поколения другому³³. В этом процессе каждое новое поколение получает сначала в детстве *воспитательный заряд внутренней свободы*, а потом, к зрелому возрасту, – всё увеличивающуюся от поколения к поколению долю *внешней свободы*, на которой оно должно довершить своё воспитание *самовоспитанием*. Всё это совершалось и совершается совсем не для того, чтобы затмевать священные очи духа злостным издевательством над духом и кощунственным поношением святынь. При этом я имею в виду отнюдь не *религиозное сомнение*, честное и глубоко

---

³³ См. главу шестую и седьмую.

прочувствованное... Макс Мюллер⁴⁵, исследователь верующий и чуткий, глубоко прав, когда говорит: «Искреннее сомнение есть глубочайший источник честной веры. Найти может лишь тот, кто утратил...» Я имею в виду скептицизм предубеждённых, злобствующих безбожников, которые стараются систематически привить взрослым и особенно детям слепое отрицание, вызвать в них безнадёжное, непоправимое духовное опустошение: это есть всеразлагающая доктрина смерти, духовное оскотление, которое совершается над наивными младенцами (ибо и взрослые люди часто остаются духовными младенцами), завлекаемыми при помощи хитрости и лжи; это есть преступление, подобное тому, которое описано Шекспиром в «Гамлете»: движимый завистью и честолюбием один брат вливает в ухо другому брату (Королю), во время сна, смертельный яд, ибо поистине дети, а нередко и взрослые подобны духовноспящим, а безбожная пропаганда разливает разрушительный и смертельный яд.

Государство обеспечивает людям права свободы, но ни одному человеку не может быть предоставлено *право на преступление*. Истолковывать свободу как право на злодейство могут только или совсем наивные люди, или преступники.

В вопросах религии человек может заблуждаться. Можно сказать ещё больше: эту возможность надо предоставить людям, не опасаясь искренних и честных еретиков. Ибо опасность заключается не в том, что человек, искренно ищущий Бога, увидит Его по-своему и окажется еретиком. Опасность в том, что человек захочет уйти от духа и Бога и вслед за собою увлечёт других – сначала лукавством, ложью, издевательством и мнимыми доказательствами, а потом принуждением и террором; он начнёт с проповеди вседозволенности и с злоупотребления внешней свободой, а кончит тем, что окончательно повредит драгоценный процесс внутреннего самоосвобождения.

Не прав ли глубокомысленный Карлейль, когда он восклицает: «Свобода суждения! Ни одна железная цепь, никакая внешняя сила никогда не могла принудить человеческую душу к вере или к неверию; суждение человека есть его собственный свет, который нельзя отнять у него; в этой сфере он будет господствовать и веровать по милости единого Господа...» Но, добавляет он, при этом «совсем не необходимо, чтобы человек сам открывал ту истину, в которую он потом будет веровать». «Человек может усвоить себе нечто и потом самым искренним образом выработать в своё достояние то, что он получил от другого, и притом испытывать к этому другому чувство бесконечной благодарности. Ибо ценность оригинальности состоит отнюдь не в новизне, а в искренности»⁴⁶.

Эта высокая оценка свободы имеет истинно христианский характер. Ибо Христос пришёл на землю (по выражению одного древнего христианского источника), «чтобы убедить, а не чтобы подвергнуть принуждению», т. е. чтобы свободно вовлечь человека в процесс обращения и внутреннего освобождения. А у апостола Петра читаем: «ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии»³⁴.

Нельзя обратить человека к вере посредством меча и силы³⁵. Меч может быть только отрицательным средством по отношению к воинствующему Сатане, внешним средством для защиты внутренней священной свободы человека против разрушительного злоупотребления внешнею свободой.

Внутренние пути слагающейся, колеблющейся, заблуждающейся, крепнущей и исчезающей веры суть пути сложные, трудные и многообразные, и людям далеко не всегда и не легко удаётся разбирать, что написано на путеводных камнях или столбах духа и куда они указуют.

³⁴ Первое послание Петра, гл. 2, стих. 15–16.

³⁵ Вспомним замечательную и мудрую инструкцию, данную московским митрополитом Макарием⁴⁷ в 1555 году первому казанскому архиепископу Гурию: «Всякими обычаями, как возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любовью на крещение, а страхом их к крещению никак не приводить» (см. статью проф. И. И. Лаппо⁴⁸ в № 2 журнала «Русский колокол»).

Человеческая душа, блуждающая по этим путям и сбивающаяся с дороги, есть существо нежное, впечатлительное и беспомощное: она нуждается в помощи, указании и наставлении точно так, как об этом рассказывается в русских сказках. От кого же ждать ей помощи и наставления, если не от тех, кто уже владеет зрелым духовным опытом и верным религиозным видением? и почему эта помощь и это наставление могли бы урезать её свободу? Разве, заблудившись в незнакомом городе или в лесу, мы не спрашиваем встречного доброжелательного путника о верной дороге и не пытаемся следовать его авторитетным указаниям? и кто из нас, видя, что человек тонет в полынье, не начнёт спасать его? кто из нас бросит его на произвол судьбы, ссылаясь на его «свободу» и «самостоятельность»?

Благодать духовной любви сообщает человеку искусство религиозного созерцания; это искусство может быть развито и углублено, если человек будет предаваться духовному опыту, очищая свою душу и восходя к синтезу веры, видения и разума³⁶. Так возникает как бы целый хор духовно поющих индивидуальных голосов, или, иначе, живое сословие учителей духовного опыта, веры, религиозной деятельности и богословского догмата – иерархия, или класс, священноначалия (в различном порядке слагающийся в разных религиях и исповеданиях). Они-то и образуют руководящий религиозный авторитет в каждой церкви. Это как бы живые светильники духа и веры, художники богопознания – естественного и богооткровенного; и их авторитетное руководство и поучение в вопросах религии не только не умаляет духовную свободу, но, напротив, идёт ей навстречу, укрепляет, расширяет и воспитывает её. Ибо, повторяю, духовная свобода совсем не сводится к отрицанию чужой опытности и мудрости, но состоит в том, чтобы внутренне освободить себя для духовной жизни без внешнего насилия, принуждения и запугивания.

Вот почему дети в особенности не могут быть предоставлены на произвол «внешней» и «отрицательной» свободы; напротив, они должны быть подготовлены и воспитаны к «внутренней», «положительной» свободе. Дело не в том, чтобы «оставить их в покое» или «никак не вторгаться в их внутреннюю жизнь», но в том, чтобы пробудить их к духовной жизни – не насилием, а *любовью*, не запугиванием, а *живым примером*. Духовная свобода ребёнка совсем не состоит в том, чтобы он рос как лопух у канавы или одичавший кролик в лесу, но в том, чтобы он приобрёл внутреннюю способность – достойно пользоваться свободой и духовно заполнять свою внешнюю «невынужденность» и «незапуганность». *Внешняя свобода необходима для внутреннего самоосвобождения;*

---

³⁶ Разум отнюдь не следует смешивать с отвлечённым рассудком, формальным, пустым, прикованным к чувственному опыту и оторванным от духа и видения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.